

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Давид
Голинков**

**КРУШЕНИЕ
АНТИСОВЕТСКОГО
ПОДПОЛЬЯ В СССР
1917 – 1929 ГОДЫ**

Советский век

Давид Голинков

**Крушение антисоветского
подполья в СССР. 1917–1929 годы**

«Алисторус»

1986

УДК 329
ББК 66.2

Голинков Д. Л.

Крушение антисоветского подполья в СССР. 1917–1929 годы /
Д. Л. Голинков — «Алисторус», 1986 — (Советский век)

ISBN 978-5-00180-521-2

В 1986 году в СССР был опубликован двухтомник Давида Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР. 1917–1929 годы».

Книга основана на следственных и судебных материалах ВЧК – ГПУ, революционных трибуналов и судов Советской России. Автор – бывший следователь по особо важным делам прокуратуры УССР, РСФСР и СССР, решивший по собственной инициативе написать это произведение. После 1991 года книга больше не переиздавалась в полном объеме. Основная причина – автор доказал, что многочисленные внутренние враги были реальной угрозой для СССР, а не плодом больного воображения «кровавой гэбни». В данное издание включены оба тома «Крушение антисоветского подполья в СССР» в редакции 1986 года. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 329

ББК 66.2

ISBN 978-5-00180-521-2

© Голинков Д. Л., 1986

© Алисторус, 1986

Содержание

Давид Голиков	5
Том первый	6
Глава 1. Подавление первых выступлений	6
Глава 2. Образование и начало деятельности Советских органов	39
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Давид Голиков
Крушение антисоветского
подполья в СССР. 1917–1929 годы

© Голиков Д. Л., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

* * *

Том первый

Глава 1. Подавление первых выступлений против Советской власти

Великий Октябрь и расстановка сил внутренней контрреволюции

Великая Октябрьская социалистическая революция стала переломным событием всемирной истории, положила начало смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией. Порожденная противоречиями, характерными не только для России, но и для всей империалистической системы, Октябрьская революция стала триумфом марксизма-ленинизма, воплотив на практике важнейшие идеи научного коммунизма.

Ведущей силой революционных преобразований, руководителем общенародной борьбы за социальный прогресс выступил рабочий класс России, возглавляемый ленинской партией большевиков. В союзе с беднейшим крестьянством он покончил с властью капиталистов и помещиков и установил свою диктатуру – самую широкую и последовательную демократию для трудящихся.

Октябрьская революция, избавившая от политического и социального гнета русских рабочих и крестьян, принесла свободу и всем колониальным и зависимым народам, составлявшим значительную часть населения бывшей Российской империи.

После победы Октября большевистская партия и Советское правительство во главе с В. И. Лениным немедленно приступили к осуществлению великой программы политических, экономических и социальных преобразований. В принятом 26 октября 1917 г.¹ II Всероссийским съездом Советов Декрете о мире Советское правительство, выражая всеобщее стремление трудящихся покончить с длительной, изнурительной, ненужной им развязанной буржуазией империалистической войной, предложило народам и правительствам всех воюющих стран начать переговоры о справедливом, демократическом мире и выразило готовность со своей стороны без малейшей оттяжки, тотчас же заключить перемирие. Утвержденный в тот же день Декрет о земле объявлял, что помещичья собственность на землю отменяется навсегда; вся земля обращается во всенародное достояние, переходит в безвозмездное пользование всех трудящихся и распределяется между лицами, работавшими на земле. Советское правительство призвало крестьян немедленно, без всяких проволочек создавать земельные комитеты на местах и взять землю в свое распоряжение. 2 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял «Декларацию прав народов России», в которой говорилось: «В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов – с другой.

Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России».

Совет Народных Комиссаров положил в основу своей деятельности по национальному вопросу такие начала:

«1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

¹ До 1(14) февраля 1918 г. даты приведены по старому стилю. В особых случаях в скобках указаны и даты нового стиля.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

Великие социалистические и демократические идеи, провозглашенные Советским правительством и большевистской партией, претворение их в жизнь глубоко воздействовали на сознание самых широких народных масс. Вокруг Советов и большевистских организаций сплотились многомиллионные массы трудящихся всех национальностей страны. Они составили прочный, незыблемый оплот новой власти.

В течение первых месяцев после свержения буржуазного Временного правительства до февраля – марта 1918 г. власть Советов с исключительной быстротой распространилась по территории бывшей Российской империи. Это был период триумфального шествия революции. Трудовой народ с энтузиазмом встретил революционные преобразования Советской власти. Соппротивление буржуазии всенародному революционному движению в этот начальный период диктатуры пролетариата носило характер безнадежных авантур: реакционные силы не могли сколько-нибудь успешно бороться с превосходящими силами народа. Лишь на некоторых окраинах сложились благоприятные условия для контрреволюции, но и там трудящиеся к марту 1918 г. сломили вооруженные антисоветские выступления.

Что же собой представляла контрреволюция внутри России?

Наиболее реакционную часть антисоветского лагеря составляли монархистские элементы из бывших помещиков и той части крупных промышленников и торговцев, которая была связана с монархией привилегиями, вытекавшими из сохранения в многоукладной экономике России феодально-крепостнических и патриархальных пережитков. Сюда же входили и высшее чиновничество, духовенство и генералитет, мечтавшие о реставрации царизма. Влияние этих слоев на политическую жизнь страны было в значительной степени ограничено уже после Февральской революции. Всеобщая ненависть народа к прогнившему самодержавию не позволяла им открыто выступать за восстановление монархии. Наиболее дальновидные монархисты, приспосабливаясь к новым условиям, проникали в государственные учреждения Временного правительства и армию, чтобы скрытно, исподволь подготавливать реставрацию. После Великой Октябрьской социалистической революции монархисты, лишившись и этих возможностей, изменили тактику. Кое-где они организовали антисоветские выступления с собственными лозунгами, но большей частью пошли под знамена других врагов социалистической революции. Обладая значительными материальными средствами, опытом государственной работы и связями в армии, они готовы были оказывать помощь и поддержку любому антисоветскому движению.

Особую роль в монархистской контрреволюции играл генералитет старой армии. Из этой среды выходили самые опасные враги революции. Они формировали вооруженное ядро антисоветских сил, которое состояло из многочисленного офицерства бывшей царской армии военного времени, – обученную, организованную, знающую военное дело массу, в своем подавляющем большинстве происходящую из представителей свергнутых революцией классов. В. И. Ленин говорил: «Мыслима ли пролетарская революция, вырастающая из такой войны, без заговоров и контрреволюционных покушений со стороны десятков и сотен тысяч офицеров, принадлежащих к классу помещиков и капиталистов?»

Другую силу антисоветского лагеря составляли буржуазия и примыкавшая к ней буржуазная интеллигенция, чьи политические взгляды находили наиболее полное выражение в программе конституционно-демократической (кадетской) партии. Эта партия, возникшая в 1905 г., в 1917 г. присвоила фальшивое название «партия народной свободы». До революции кадеты добивались реформ в рамках конституционно-монархического строя, во время Февральской революции они скомпрометировали себя в глазах народа попытками сохранить

монархию путем перестановки лиц на царском престоле, затем объявили себя республиканцами, главенствовали в первом Временном правительстве, а потом входили в состав коалиционных правительств, занимая в них крайне реакционную позицию.

Еще во время керенщины буржуазные группировки для достижения своих целей создавали политические объединения. Таким был, например, «Совет общественных деятелей», образованный в августе 1917 г. в Москве накануне так называемого Государственного совещания. Он представлял собой постоянный орган, состоявший из 30–40 виднейших промышленников, членов Государственной думы, кадетов, реакционных профессоров, и пытался от имени «общественности» оказывать влияние на политическую жизнь страны, добиваясь укрепления в России буржуазного строя.

После Великой Октябрьской социалистической революции кадеты сразу же выступили против диктатуры пролетариата. Они организовали саботаж мероприятий рабоче-крестьянской власти, поддерживали все вооруженные антисоветские выступления. В обращении Совета Народных Комиссаров к населению 25 ноября 1917 г. указывалось: «...Враги народа империалисты, помещики, банкиры и их союзники казацки генералы предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания... Политическим штабом этого восстания является Центральный комитет кадетской партии». Через три дня в специальном правительственном сообщении о контрреволюционном восстании буржуазии СНК подчеркнул, что «прямая гражданская война открыта по инициативе и под руководством кадетской партии» и что Центральный комитет этой партии является «политическим штабом всех контрреволюционных сил страны». Исходя из этого, 28 ноября 1917 г. Советское правительство приняло декрет, согласно которому «члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа», подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов. На местные Советы возлагался особый надзор за партией кадетов ввиду ее бесспорной связи с гражданской войной против революции. Партия кадетов была единственной партией, объявленной тогда враждебной народу.

Деятели правых социалистических партий также оказались в лагере врагов Советской власти. Эти партии, весьма неоднородные по своему составу, отражали интересы и настроения мелкой буржуазии. Здесь были так называемые народные социалисты (эн-эсы), почти ничем не отличавшиеся от кадетов; партии, в которых были представлены все оттенки народнического, эсеровского мировоззрения; меньшевики. Их общим идеалом было создание в России путем соглашения с буржуазией так называемого демократического строя по западноевропейскому буржуазному образцу. От других противников Октябрьской социалистической революции представители этих партий отличались тем, что, действуя под лозунгами защиты Временного правительства, Учредительного собрания, «чистой демократии» и стремясь сохранить хоть какое-то влияние в народе, пытались маскировать свою контрреволюционную сущность социалистической фразеологией. Поэтому именно эти партии явились удобным прикрытием для самых реакционных правых кругов. В первые же дни после Октября и монархисты, и кадеты использовали правосоциалистические партии для борьбы с Советской властью, выдвигая их на первый план и действуя за их спиной.

На окраинах страны и в национальных районах в антисоветский лагерь входили кроме общероссийских контрреволюционных сил разнородные буржуазные, мелкобуржуазные, а порою и феодального типа автономистские, националистические партии и организации. Спекулируя на национальных чувствах, они пытались отвлечь трудящихся от подлинно революционных целей, от борьбы за социализм, боролись за сохранение капиталистических и феодальных порядков, за свои особые местные привилегии.

Еще во времена Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в национальных районах страны образовались всевозможные местные, так называемые национальные «парламенты» и «правительства». Это были: Центральная рада на Украине, Белорусская рада в Белоруссии, курултаи в Крыму и Башкирии, «национальные советы» в Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, «Алаш-орда» в Казахстане, «Шуро-и-Исламия» в Туркестане, «Союз объединенных горцев Кавказа» и др. Ту же роль играли и автономистские «войсковые правительства» в казачьих областях. Эти и подобные им буржуазно-националистические и сепаратистские организации, возникшие после победы Октября, выступили против интернациональной политики большевизма и Советской власти. Все они были составной частью внутренней контрреволюции.

Не имея сколько-нибудь широкой социальной базы, внутренняя контрреволюция в те дни черпала кадры за счет тех, кто враждебно встретил Советскую власть или был введен в заблуждение псевдосоциалистическими фразами правосоциалистических партий и буржуазных националистов.

Первые же антисоветские выступления и контрреволюционные мятежи показали, что контрреволюция в России не располагала достаточными силами, чтобы самостоятельно пойти на свержение Советской власти.

Разгром контрреволюционных заговорщиков в Петрограде

27 октября 1917 г. в противовес Военно-революционному комитету, руководившему Октябрьским вооруженным восстанием, в Петрограде образовался «Комитет спасения родины и революции». В его состав вошли представители Петроградской городской думы, Временного совета республики (Предпарламента), свергнутого Временного правительства, утратившего свои полномочия ЦИК Советов первого созыва, центральных комитетов партий правых социалистов-революционеров, меньшевиков и народных социалистов. «Комитет спасения» опубликовал «Воззвание к гражданам Российской республики», в котором ясно определил свои антисоветские цели. «Всероссийский комитет спасения родины и революции, – говорилось в воззвании, – призывает вас, граждане: не признавайте власти насильников (так эти контрреволюционеры называли рабоче-крестьянское правительство, созданное в результате победы Октября. – Д. Г.). Не исполняйте их распоряжений. Встаньте на защиту родины и революции».

Тревожно было в бурлящем революционном Петрограде. Бывший премьер бывшего Временного правительства А. Ф. Керенский бежал. Вскоре стало известно, что он ведет с фронта на столицу казаков, чтобы удушить революцию. Казаки Краснова уже заняли Царское Село. Отряд Краснова к вечеру 27 октября насчитывал до 500 человек при 8 пулеметах и 16 орудиях; позднее к нему присоединились еще несколько небольших частей. Вожаки заговора рассчитывали на то, что при первых же успехах похода к ним примкнут все антисоветские силы города.

Гневно и мужественно встретил рабочий народ известие о походе контрреволюционных войск. Десятки тысяч мужчин и женщин по призыву большевистской партии вышли на улицы. С ружьями, ломами, лопатами, мотками проволоки, патронташами, таща за собой пулеметы и пушки, пешком, на повозках и грузовиках рабочие, солдаты, матросы тянулись к Московской заставе. Там они возводили баррикады, устраивали проволочные заграждения на подступах к городу, рыли окопы, занимали боевые позиции. Революционный пролетариат грудью встал на защиту столицы рабоче-крестьянской республики.

А в это время в городе готовился удар в спину революции.

На рассвете 29 октября красногвардейский патруль задержал у Троицкого (ныне Кировского) моста двух подозрительных мужчин, которые собирались уехать в автомобиле. Их доставили к комиссару Петропавловской крепости Г. И. Благоданову. Выяснилось, что задержан видный деятель партии правых эсеров А. А. Брудерер, которого сопровождал солдат. У Бру-

дерера нашли важные документы. Среди них был приказ № 1 от 29 октября 1917 г. по войскам «Комитета спасения родины и революции», в котором предписывалось:

«1) Никаких приказаний Военно-революционного комитета (большевистского) не исполнять.

2) Комиссаров Военно-революционного комитета во всех частях гарнизона арестовать и направить в пункты, которые будут указаны дополнительно.

3) Немедленно прислать от каждой отдельной части по одному представителю в Николаевское инженерное училище (Инженерный замок).

4) Все, не исполнившие этот приказ, будут считаться врагами родины и изменниками делу революции».

Приказ этот подписали смещенный накануне Октября командующий войсками Петроградского военного округа полковник-монархист Г. П. Полковников и начальник штаба мятежников подполковник В. Д. Хартулари.

Второй документ оказался удостоверением, выданным Брудереру в том, что он назначается «Всероссийским комитетом спасения родины и революции» комиссаром Владимирского военного училища и все его распоряжения подлежат немедленному исполнению. Удостоверение было подписано членом «Комитета спасения» А. Гоцем и скреплено печатью и подписью секретаря М. Броуна. Кроме того, у Брудерера были изъяты боевые распоряжения Владимирскому и Павловскому военным училищам, подписанные Полковниковым и Гоцем.

Брудерер отказался дать какие-либо объяснения, но и без этого было ясно, что в городе полным ходом идет подготовка вооруженного выступления против Советов. Г. И. Благонравов поспешил в Смольный к председателю Военно-революционного комитета Н. И. Подвойскому. Немедленно были приняты меры для ликвидации готовившегося антисоветского выступления. Утром 29 октября Военно-революционный комитет в специальном обращении известил население города о раскрытии заговора, отметив, что этот заговор связан с контрреволюционным походом казаков на город, но не имеет никакой опоры ни в гарнизоне, ни среди рабочего населения и рассчитан исключительно на внезапность удара.

В то же утро руководители мятежа, не зная, что их контрреволюционные планы уже раскрыты, передали по телеграфу следующий приказ:

«29 октября войсками «Комитета спасения родины и революции» освобождены все юнкерские училища и казачьи части; занят Михайловский манеж, захвачены броневые и оружейные автомобили, занята телефонная станция и стягиваются силы для занятия оказавшихся благодаря принятым мерам совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института – последних убежищ большевиков. Предлагаем сохранить полнейшее спокойствие, оказывая всемерную поддержку комиссарам и офицерам, исполняющим боевые приказы командующего армией «спасения родины и революции» полковника Полковникова и его помощника подполковника Краковецкого, арестовывая всех комиссаров так называемого Военно-революционного комитета. Всем воинским частям, опомнившимся от угара большевистской авантюры и желающим послужить делу революции и свободы, приказываем немедленно стягиваться в Николаевское инженерное училище; всякое промедление будет рассматриваться как измена революции и повлечет за собой принятие самых решительных мер.

Подписали:

Председатель Совета республики Авксентьев.

Председатель «Комитета спасения родины и революции» Гоц.

Комиссар «Всероссийского Комитета спасения родины и революции» при командующем армией «спасения» Синапи.

Член Центрального комитета партии социалистов-революционеров Броун».

Несмотря на то что юнкерское восстание и поход Краснова – Керенского на Петроград в момент наивысшего революционного подъема широчайших народных масс представляли собой явную авантюру, обанкротившиеся политики тешили себя надеждой удушить революцию и обманывали людей, заявлениями о поддержке, которую им якобы оказывают «все демократические организации». Генерал Краснов в «приказе № 1 по войскам Российской республики, сосредоточенным под Петроградом», 27 октября 1917 г. возвещал из Гатчины «всем, всем, всюду», что Временное правительство будто бы «не свергнуто, но насильственным путем удалено от своих постов (!) и собирается при Великой армии фронта», что его поддерживает «весь народ», что Совет союза казачьих войск объединил все казачество и оно, «бодрое казачьим духом, поклялось послужить родине, как служили деды наши», что на стороне Временного правительства находятся все крестьянские съезды и войска фронтов. Краснов призвал казаков – донцов, кубанцев, уссурийцев, забайкальцев, амурцев, енисейцев – «прийти и спасти Петроград от анархии», будто бы вызванной «кучкой... людей, руководимых волею и деньгами императора Вильгельма...».

Фактически к кучке обанкротившихся политиков примкнули только немногие контрреволюционные, черносотенные элементы.

Между тем по распоряжению Военно-революционного комитета рано утром 29 октября штаб мятежников, находившийся в Инженерном замке, а также все военные училища (Владимирское, Павловское, Николаевское и др.) были окружены верными революции воинскими частями, матросами и красногвардейцами. Началось подавление восстания.

Положение мятежников утром 29 октября довольно правдиво характеризовал начальник штаба контрреволюционных сил подполковник Хартулари: «Владимирское училище осаждено, горит и может держаться не более двух часов. Обстреливается броневидами. Павловское училище также нуждается в немедленной помощи. По отношению к этим двум училищам приняты все возможные меры помощи. Константиновское училище держится выжидательно, оружие и орудия внутри здания, вокруг никого. Первый и четвертый казачьи полки выжидают... Приближаются правительственные войска, 14-й казачий полк распылен и пассивен, в разговорах лукавит. Наши силы состоят из 230 юнкеров Николаевского инженерного училища (отряды этих юнкеров заняли телефонную станцию и Михайловский манеж), 6 броневых машин, обслуживаемых офицерством, и 50 ударников-добровольцев, вооруженных также гранатами. Увечные воины заперты вместе с владимирцами... На Литейном большое движение грузовиков в сторону Выборгской. Большое движение частей красногвардейцев в разных частях города. Редкий огонь, разъезжают большевистские броневики. Общее число красногвардейцев достигает 10000 плохо стреляющих, но стойких людей. Положение наше затруднительное, требующее немедленных и решительных шагов со стороны правительственных войск, необходима быстрая помощь. Павловский полк наступает на замок...».

К полудню 29 октября 1917 г. юнкера, участвовавшие в восстании внутри города, сдались революционным войскам, а 30 октября рабочие, солдатские и матросские отряды под Пулковом нанесли поражение войскам Краснова. Обманутые Керенским – Красновым казаки отказались вести наступление против народа и вступили в мирные переговоры с революционными войсками. Они обязались даже выдать Керенского для суда над ним. В ночь на 31 октября 1917 г. авантюристический поход на Петроград был окончательно ликвидирован. Командир 3-го конного корпуса генерал-майор Краснов вынужден был вступить в переговоры о прекращении военных действий. Командующий группой советских войск балтийский матрос П. Е. Дыбенко принял его капитуляцию. Керенский, переодевшись, бежал из Гатчины.

Сразу же после разгрома юнкерского восстания «Комитет спасения родины и революции» заявил в эсеровской печати о своей непричастности к событиям. Объявлялось, что приказ за подписью Н. Д. Авксентьева, А. Р. Гоца и других не был санкционирован «Комитетом». Открещивались от приказа и подписавшие его. А бывший городской голова и член руковод-

ства «Комитета спасения» Г. И. Шрейдер заявил: «Что касается военно-боевой деятельности «Комитета», то мне решительно ничего не известно. Против выступления Полковникова я протестовал постфактум самым решительным образом».

Пётр Николаевич Краснов (1869–1947) – русский генерал от кавалерии, атаман Всевеликого войска Донского, военный и политический деятель, писатель и публицист

После подавления мятежа руководители юнкерского восстания и похода на Петроград Гоц, Чернов, Савинков, монархисты Полковников, Хартулари² и другие бежали. Генерал Краснов, обещавший прекратить борьбу против революции, был отпущен под честное слово, кото-

² Г. П. Полковников впоследствии принимал участие в контрреволюции на Дону и был убит в Задонских степях в марте 1918 г. Хартулари также бежал на Дон, служил в деникинской контрразведке; в конце гражданской войны был пойман, предан суду и понес заслуженное наказание.

рое он сразу же нарушил. Юнкера и их командиры, заявившие, что их «обманули», также были отпущены по домам.

Лишь спустя несколько лет на судебном процессе правых эсеров выяснились подробности юнкерского восстания. Непосредственный его участник – бывший член военной комиссии при ЦК партии правых эсеров штабс-капитан М. Броун-Ракитин – рассказал, что юнкерское восстание было задумано и организовано правыми эсерами. Уже на другой день после Октябрьского вооруженного восстания военная комиссия (по инициативе уже упоминавшегося А. А. Брудерера) предложила ЦК партии правых эсеров произвести контрпереворот с участием юнкеров военных училищ. Член ЦК партии Гоц поддержал этот план и взял на себя политическое руководство выступлением, которое формально проходило под флагом «непартийной» организации – «Комитета спасения родины и революции»³. В 1922 г. и Гоц не отрицал того, что несет «моральную и политическую ответственность» за это выступление (правда, он пытался затушевать его контрреволюционные цели). «Целый ряд фактов мы определенно признаем... – говорил он на суде. – Партия эсеров занимала оборонительные позиции...

Отсюда вытекало так называемое 29 октября, когда мы с оружием в руках вынуждены были бороться против тех большевистских частей, на которые опирался в то время Военно-революционный комитет». Гоц, как один из руководящих членов «Комитета спасения», прикрываясь именем этой организации, назначил реакционера Полковникова командующим военными силами восстания; он же поддерживал связь с генералом Красновым, наступавшим на Петроград.

На суде по делу правых эсеров свидетель Краковецкий показал: «Военная комиссия стояла на той точке зрения, что возглавить восстание должны мы, эсеры, но Центральный комитет решил, что ему неудобно возглавить восстание, пусть поэтому оно идет от имени «Комитета спасения родины и революции».

«Таким образом, – резюмировал в обвинительной речи Н. В. Крыленко, – с одной стороны, «Комитет» говорит: знать не знаем, ведать не ведаем; с другой стороны, партия с.-р. говорит: это не мы, не партия, т. е. мы и в то же время не мы, а Комитет, – мы тут, мол, тоже сторона. Вот еще одна черта, которую мы встретим и впоследствии, – спрятаться в случае нужды за чужую спину, прикрываться чужой организацией, действовать от имени чужой организации, чтобы потом, когда потянут к ответу, сказать: мы тут ни при чем».

Верховный революционный трибунал в приговоре по делу правых эсеров дал такую оценку этому контрреволюционному восстанию: «...первое восстание против Советской власти, в коем участвовали: генерал Краснов, казаки, юнкера Николаевского училища, броневики, обслуживаемые офицерами, и др. буржуазно-контрреволюционные и черносотенные силы, руководилось партией «социалистов-революционеров». Прикрываясь лжесоциалистическими знаменами этой мелкобуржуазной партии, на приступ Советской власти шли крупная буржуазия и самые черносотенные общественные группы. Объединенная реакция могла выдвинуть вперед в борьбе против Советской власти только такую партию, которая, хотя бы по имени, была социалистической и которая своим революционным прошлым была бы способна увлечь за собой хотя бы некоторую часть трудящихся».

Следующая попытка антисоветского выступления в Петрограде была предпринята в связи с открытием Учредительного собрания, на которое контрреволюционеры возлагали все

³ На суде, между прочим, М. Броун-Ракитин показал: «Ранним утром, когда первые шаги наши оказались удачными, мною был составлен приказ ко всему населению Петрограда (речь идет о воззвании, опубликованном 29 октября от имени «Комитета спасения родины и революции». – Д. Г.) ...Ввиду отсутствия в данный момент Гоца и Авксентьева их подписи получить не удалось, и приказ пошел в печать в копии с печатными подписями на машинке Гоца и Авксентьева» («Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношениях с иностранными государствами». М., 1922, с. 9–10). Вот, оказывается, что дало «право» Гоцу и Авксентьеву в 1917 г. отрицать свое участие в руководстве юнкерским восстанием!

свои надежды. 23 ноября 1917 г. они создали «Союз защиты Учредительного собрания» под председательством видного деятеля партии правых эсеров В. Н. Филипповского.

Согласно постановлению Временного правительства, открытие Учредительного собрания было в свое время намечено на 28 ноября 1917 г. 26 ноября СНК издал декрет, которым устанавливалось, что заседания Учредительного собрания будут открыты специальным комиссаром, назначенным Советом Народных Комиссаров, по прибытии в Петроград не менее 400 членов Учредительного собрания. Так как к 28 ноября в Петроград прибыло лишь незначительное число членов Учредительного собрания, то заседания Учредительного собрания не могли начаться в назначенный срок.

Между тем подпольная группа министров бывшего Временного правительства (С. Н. Прокопович, П. Н. Малянтович и другие) все же «постановила» открыть Учредительное собрание 28 ноября и вместе с «Союзом защиты Учредительного собрания» призвала население выступить в его «защиту». Это был призыв к антисоветской демонстрации.

28 ноября у Таврического дворца собралась толпа бастующих чиновников, учащихся и разных обывателей, а также бывших членов городской думы от буржуазных и мелкобуржуазных партий, членов центральных комитетов партий кадетов, меньшевиков, народных социалистов, эсеров. Перед ними выступили с речами лидер эсеров В. М. Чернов, член ЦК партии кадетов Ф. И. Родичев, эсер Питирим Сорокин. Часть демонстрантов прорвалась во дворец. Проникшая туда вместе с ними кучка эсеров – членов Учредительного собрания (около сорока человек) устроила «частное совещание». Но после решительного вмешательства прибывших к дворцу рабочих, солдат и матросов антисоветская вылазка была прекращена.

Учитывая, что в некоторых слоях народа еще не были изжиты конституционные иллюзии, Советское правительство решило перенести открытие Учредительного собрания на 5 января 1918 г. Теперь уже антисоветские элементы стали тщательнее готовиться к выступлению. «Союз защиты Учредительного собрания» и военная комиссия при ЦК партии правых эсеров распространили огромное количество листовок с призывом к рабочим в день открытия Учредительного собрания прекратить работу, выйти на улицы и демонстрировать под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию». Одновременно шла тайная подготовка боевых дружин и воинских частей, где сохранились сторонники контрреволюции, к вооруженному восстанию.

Непосредственный участник событий, член ЦК партии правых эсеров М. А. Лихач, впоследствии рассказывал, что был разработан такой план «мирной демонстрации»: «Каждая часть идет манифестировать в честь Учредительного собрания как воинская сила... Был разработан маршрут. Такая-то рабочая демонстрация... должна была подойти к броневому дивизиону... захватить его по дороге... Вместе с броневым дивизионом пойти в Семеновский полк как самый надежный полк, затем вместе с Семеновским полком подойти к Измайловскому полку... к ротам Преображенского полка... Таким образом, вся рабочая демонстрация и вся военная демонстрация, сохраняя военный порядок, должны отправиться к зданию Учредительного собрания. Представитель от демонстрации должен был потребовать от стражи, охранявшей Учредительное собрание, пропуск внутрь, чтобы он мог приветствовать и предоставить воинские силы в распоряжение Учредительного собрания». Другой член ЦК партии правых эсеров, Е. М. Тимофеев, еще более откровенно говорил, что воинские части, распропагандированные эсерами, должны были в случае необходимости «идти штурмом на Смольный».

К выступлению готовились и некоторые офицерские группы. Одна из них, созданная по инициативе известного монархиста В. В. Шульгина, рассчитывала использовать созыв Учредительного собрания, чтобы «стравить» эсеров и большевиков, а затем устранить и тех и других и добиться главного – свержения Советской власти.

Советские органы приняли необходимые меры обороны. 4 января Народный комиссариат по военным делам образовал Чрезвычайный военный штаб «для защиты власти Советов от

всех покушений контрреволюционных сил» в составе Н. И. Подвойского, К. С. Еремеева, К. А. Мехоношина и К. К. Юренева. Ответственным за порядок в районе Смольного был назначен В. Д. Бонч-Бруевич, в Таврическом дворце – М. В. Пригоровский, в районе Петропавловской крепости – Г. И. Благонравов. Соответствующая разъяснительная работа была проведена на фабриках, заводах и в воинских частях.

Манифестация в Москве на Страстной площади в день выборов в Учредительное собрание

Все усилия контрреволюционных элементов поднять рабочих и солдат на демонстрацию и превратить ее в антисоветское восстание оказались тщетными. Ни одно предприятие не поддержало мятежников. Полковой комитет Семеновского полка отказался отдать приказ об участии в демонстрации. Активный организатор готовившегося выступления, член военной комиссии при ЦК партии правых эсеров Г. И. Семенов, впоследствии рассказывал, что руководство его партии, учитывая отрицательное отношение масс к выступлению, в критический момент, в ночь на 5 января, «испугалось» поднятого им движения и заколебалось. «Гоц мне (в ту ночь) сказал, – признался Семенов, – что... еще нет точного учета реальных сил и что брать на себя ответственность (за вооруженное выступление. – Д. Г.) нельзя, нужно подождать... Когда Семеновский полк и броневики выступят, тогда начните это движение».

Но ни броневой дивизион, ни Семеновский, ни Преображенский, ни Измайловский полки на демонстрацию не вышли. На улицах города собрались беспорядочные кучки студентов-белоподкладочников, гимназистов, чиновников, лавочников и партийные дружины правых эсеров, народных социалистов, меньшевиков, кадетской партии. Когда демонстранты попытались в нескольких местах прорвать караулы, красногвардейцы и революционные солдаты дали им надлежащий отпор. Как отметил Верховный революционный трибунал в приговоре по делу членов ЦК партии правых эсеров, эта партия, «прикрывшись лицемерным лозунгом мирной демонстрации», пыталась 5 января 1918 г. организовать вооруженное выступление, но в критический момент ЦК партии эсеров «забил отбой, бросив спровоцированные им немногочисленные элементы населения на произвол судьбы». Демонстрация сорвалась.

А Учредительное собрание, отказавшееся одобрить изданные рабоче-крестьянской властью декреты, в том числе Декреты о земле и мире, разоблачило себя как антинародное учреждение и 6 января было распущено.

Провал первых вооруженных выступлений против Советской власти показал, что внутренняя контрреволюция не в состоянии без активной поддержки внешних империалистических сил нанести поражение государству пролетарской диктатуры. Молодой республике Советов с первых дней существования пришлось вести ожесточенную борьбу и с подрывными действиями международного империализма.

Сразу же после Октябрьского вооруженного восстания разведчики и дипломаты держав Антанты выступили на стороне русской контрреволюции. Конкретное представление об этой их «деятельности» дает дело поручика 9-го драгунского Казанского полка Н. А. Штырова.

В одном из аристократических домов Петрограда Штыров встретился с вербовщиком, который свел его с членами французской военной миссии Лораном и Вокье и рекомендовал для разведывательной работы. Среди заданий, полученных Штыровым от французов, были: узнать, «что делается в Смольном; возможно ли достать какие-либо документы из кабинета Ленина... постараться войти в сношения с правительственной партией... какими угодно средствами похитить чемодан Фюрстенберга-Ганецкого (когда тот ехал из Швеции в Петроград. – Д. Г.), ...отправиться в Воронеж или Новочеркасск, войти в связь с Калединым, узнать подробно положение и состояние его войск... зарегистрировать в Петрограде все большие винные склады и склады, имеющие военное значение, чтобы при надобности можно было их уничтожить».

За выполнение полученных шпионских заданий Штыров получал деньги. Но вскоре его стала тяготить роль агента иностранной разведки, с которым «хозяева» могут поступать как им заблагорассудится. После ареста он дал подробные показания советским властям о своих отношениях с французской разведкой.

Во время похода генерала Краснова на Петроград «союзники» поддерживали связь с организаторами этого похода. Как показал следственной комиссии Военно-революционного комитета Краснов, к нему в отряд приезжал член французской военной миссии А. Ниссель,

который вел переговоры с Керенским, обещая помощь «союзников» в деле удушения революции.

Подавление первых очагов контрреволюции в стране

Официальные представители Антанты и США пытались сорвать усилия Советского правительства, направленные на приостановление военных действий с Германией. Они поддерживали враждебное отношение контрреволюционных верхов русской армии к Октябрьской революции и призывали бывших царских генералов к продолжению военных действий на фронтах.

7 ноября 1917 г. верховный главнокомандующий русской армии генерал Н. Н. Духонин получил распоряжение Советского правительства немедленно приостановить военные действия и приступить к переговорам о перемирии с неприятельскими армиями. Духонин всячески саботировал выполнение этого указания, а затем объявил об отказе выполнить распоряжение Совета Народных Комиссаров. Тогда он был отстранен от занимаемой должности «за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям».

На помощь Духонину поспешили официальные представители Антанты и США. Угрожая Советскому правительству, они заявили «протест» против его распоряжения о приостановлении военных действий и переговорах о перемирии. А военные миссии «союзников» при Ставке верховного главнокомандующего официально обратились непосредственно к генералу Духонину, призывая его не подчиняться правительству. Так, начальник французской военной миссии генерал Альфонс Лавернь 14 ноября 1917 г. написал Духонину такое послание: «Ваше превосходительство! Председатель Совета министров и военный министр уполномочили меня заявить вам нижеследующее: Франция не признает власти народных комиссаров. Доверяя патриотизму русского верховного командования, она рассчитывает на его твердые намерения отклонить всякие преступные переговоры и держать в дальнейшем русскую армию лицом к общему врагу».

Представитель военной миссии США подполковник М. Керт вручил в тот же день Духонину такое письмо: «Ваше превосходительство! Согласно совершенно определенным указаниям моего правительства, переданным мне послом Северо-Американских Штатов в Петрограде, я имею честь довести до Вашего сведения, что ввиду ведения республикой Соединенных Штатов в союзе с Россией войны... мое правительство определенно и энергично протестует против всякого сепаратного перемирия, могущего быть заключенным Россией...»

Советское правительство решительно осудило вмешательство «союзных» военных агентов во внутренние дела России. «...Военные представители союзных стран, – говорилось в заявлении Народного комиссариата по иностранным делам, – позволяют себе призывать генерала Духонина вести политику, прямо противоположную той, какую ведет Совет Народных Комиссаров...

Такое положение не может быть терпимо. Никто не требует от нынешних союзных дипломатов признания Советской власти. Но в то же время Советская власть, ответственная за судьбы страны, не может допустить, чтобы союзные дипломатические и военные агенты, во имя тех или других целей, вмешивались во внутреннюю жизнь нашей страны и пытались разжигать гражданские войны.

Дальнейшие шаги на этом пути неминуемо вызовут самые тяжкие осложнения, ответственность за которые Совет Народных Комиссаров заранее снимает с себя». В заявлении Наркоминдела разоблачалось лицемерие дипломатических представителей Соединенных Штатов Америки. В то время как подполковник М. Керт обращался к генералу Духонину с призывом не подчиняться Советскому правительству, начальник военной миссии США бригадный генерал У. В. Джонсон официально заверяет, будто «американцы питают величайшую

симпатию ко всему русскому народу и в той сложной обстановке, в которой русский народ сейчас находится, не желают вмешиваться ничем, кроме помощи, в разрешение каких-либо русских проблем».

Николай Николаевич Духонин (1876–1917) – русский военачальник, генерал-лейтенант, исполнял обязанности Верховного главнокомандующего Русской армией в ноябре – декабре 1917 года

Советское правительство обратилось ко всем полковым, дивизионным, корпусным и другим комитетам, ко всем солдатам революционной армии с призывом выбрать уполномоченных и вступить непосредственно на своих участках фронтов в переговоры о перемирии с немцами. Этот призыв встретил единодушное одобрение армии. В Могилев были посланы революционные войска для ликвидации контрреволюционной Ставки; туда выехал и новый советский главковерх Н. В. Крыленко. Еще по пути в Ставку, в районе 5-й армии Северного фронта, он послал парламентариев в распоряжение германских войск для передачи предложения Советского правительства о приостановлении военных действий и начале переговоров о перемирии. Германское военное командование приняло это предложение. 20 ноября Н. В. Крыленко прибыл в Ставку, которая перешла теперь в руки Советского правительства. «Союзным» дипломатам не удалось сорвать переговоры о перемирии.⁴

Вмешательство империалистических государств во внутренние дела революционной России становилось все более активным. Когда внутренняя контрреволюция попыталась организовать на Дону новый всероссийский центр борьбы с Советами, империалисты сразу же пришли на помощь реакционной казачьей верхушке.

Еще до революции В. И. Ленин отмечал, что реакционность значительной части казаков объясняется их привилегированным экономическим положением. Это были в большинстве своем земледельцы, обеспеченные землей вдесятеро больше всей остальной массы крестьянства России. Среди казаков в большей степени, чем в других слоях населения, сохранялись монархистские традиции, средневековые черты жизни, хозяйства и быта; зажиточные казаки, их войсковая верхушка цепко держались за «дарованные» им царизмом привилегии и «права». В казачьих областях, писал В. И. Ленин, «можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»⁵. Вместе с тем Ленин указывал, что и среди казаков имеются трудовые слои, склонные к миру, демократии и революции. Оценивая силы контрреволюции накануне Великой Октябрьской социалистической революции, Ленин отмечал, что «целый ряд фактов показал, что даже казачьи войска не пойдут против правительства мира!». 8 октября 1917 г. в «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области», Ленин писал: «В борьбе Корнилов и Керенский могут опираться только на дикую дивизию да на казаков. А теперь разложение началось и у казаков, а кроме того, им изнутри их казачьих областей грозят гражданской войной крестьяне».

После Октября враги Советской власти попытались превратить казачество в оплот буржуазно-помещичьей контрреволюции. С этой целью они использовали созданный еще в июне 1917 г. «Совет союза казачьих войск», находившийся в Петрограде и ставший во главе казачьей контрреволюции, войсковые круги и войсковые правительства в казачьих областях. На первых порах контрреволюции удалось привлечь на свою сторону и часть рядовых казаков, участвовавших вместе с юнкерами в защите Зимнего дворца, в походе Краснова – Керенского на революционный Петроград.

Наиболее опасные контрреволюционные движения возникли в казачьих областях.

Как только было получено сообщение о пролетарской революции в Петрограде, войсковой круг и правительство Дона во главе с наказным атаманом войска Донского генералом А.

⁴ Подробнее о преступной деятельности антисоветской Ставки и ее ликвидации см. в кн. В. Д. Поликарпова «Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 – февраль 1918». М., 1976.

⁵ Вандея – один из департаментов Франции, где во время французской буржуазной революции, в марте 1793 г., началось контрреволюционное восстание, в котором участвовало отсталое крестьянское население, руководимое дворянами и духовенством. Вандея стала синонимом реакционных мятежей и очагов контрреволюции.

М. Калединым и его помощником М. П. Богаевским объявили о непризнании центрального Советского правительства, захватили власть в Новочеркасске и ввели военное положение в области. На Дон стали стекаться силы контрреволюции со всех концов страны. Сюда прибыли бежавшие из Быхова главари контрреволюционного корниловского заговора генералы Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, А. С. Лукомский, И. П. Романовский и С. Л. Марков, освобожденные из заключения Духониным накануне занятия Ставки революционными войсками. Корнилов, поддержанный Калединым, призвал всех офицеров бывшей царской армии собираться на Дону, а в случае, если туда невозможно пробраться, объединяться на местах в антисоветские отряды. Сюда поспешили и политические вожди всероссийской контрреволюции – бывший председатель Государственной думы М. В. Родзянко, кадетский лидер профессор П. Н. Милюков, лидер монархистов-октябристов А. И. Гучков. С ноября 1917 г. здесь формировались контрреволюционная Добровольческая армия, во главе которой стали М. В. Алексеев, бывший при царе начальником штаба верховного главнокомандующего, и Корнилов, и казачья армия под командованием Каледина. Таким образом, на Дону образовался опаснейший очаг контрреволюции.

Открыто выступать под флагом монархистской реставрации Каледин и его сподвижники не посмели. Они вынуждены были прикрываться «демократическим» знаменем.

Наглядное представление о подлинных замыслах казачьих верхов дает сохранившаяся телеграфная лента записи переговоров по прямому проводу между деятелями калединского движения. Подъесаул Иванов, товарищ председателя общедонского казачьего съезда, собравшегося в те дни в Киеве, сообщал «Совету Союза казачьих войск» в Петрограде, ссылаясь на переговоры с помощником атамана войска Донского Богаевским, что «войсковое правительство требует от Керенского, чтобы он немедленно прибыл в Новочеркасск для организации государственной власти на Дону».

Член «Совета Союза казачьих войск», который вел переговоры по прямому проводу с Киевом (фамилия его была вырвана из ленты в целях конспирации) ответил: «... При капитуляции Зимнего дворца среди арестованного правительства Керенского не оказалось. Он выбыл в критический момент в неизвестном направлении. Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим проходившим, в тылу он потерял всякое влияние. Взять его, конечно, к себе надо как наживу на удочку для известного сорта рыбы. Правительство должно быть организовано в Новочеркасске в контакте с московскими общественными деятелями (речь идет о полу монархистском «Совете общественных деятелей». – Д. Г.). Это объективная логика событий и обстановки. Продолжайте пока быть верным Временному правительству».

Итак, казачьи лидеры рассматривали «социалиста» Керенского как «наживу на удочку», которой можно было вовлечь в контрреволюционное движение некоторую часть обманутых мелкобуржуазных слоев населения. Калединцы поддерживали его «пока», чтобы в подходящий момент прогнать и передать власть монархистским кругам⁶.

Наряду с такой «игрой» казачьи верхи, используя заинтересованность зажиточных казаков в сохранении их экономических привилегий, вели в станицах пропаганду некой исключительности казачьего сословия. Они утверждали, будто казаки представляют собой особую народность, и требовали применения к ним принципа самоопределения наций. Каледин заявлял, что «установление порядка на Дону есть дело донских казаков». А в своей программной речи после мятежа объявил: «Что касается отношения Дона ко всей России, мы признаем необ-

⁶ По имеющимся данным, А. Ф. Керенский приезжал к Каледину. Один из деятелей калединского мятежа, генерал Д. Н. Потокский, впоследствии показал на допросе в ВЧК: «Слушал, как приехал к Каледину в Новочеркасск Керенский. Я был в это время у войскового атамана с докладом о положении дела в Ростове. Когда доложил Богаевский, что приехал А. Ф. Керенский, то войсковой атаман приказал его выгнать, не допуская до себя» (ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 367, л. 7).

ходимым связь с ней при самой широкой автономии или даже еще больше – самостоятельности Дона»⁷.

Рабоче-крестьянское Советское правительство квалифицировало калединский мятеж, а также мятеж оренбургских казаков под руководством атамана А. И. Дутова как антинародные движения, возглавляемые контрреволюционной буржуазией и кадетской партией. В обращении «Ко всему населению» от 25 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров отмечал: «Родзянко, Милюковы, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть и при помощи Калединых, Корниловых и Дутовых превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей. Каледин ввел на Дону военное положение, препятствует доставке хлеба на фронт и собирает силы, угрожая Екатеринославу, Харькову и Москве... Буржуазия предоставляет десятки миллионов контрреволюционным генералам на дело мятежа против народа и его власти... Кадеты, злейшие враги народа, подготовлявшие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую бойню, надеются... прийти на помощь своим генералам – Калединым, Корниловым, Дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ».

Активное участие в организации и финансировании калединского мятежа приняли иностранные империалисты и их агенты.

В опубликованном 9 декабря официальном сообщении правительственной газеты «Известия ВЦИК» указывалось: «Отдельные союзные офицеры, члены союзных военных миссий и посольств позволяют себе самым активным образом вмешиваться во внутреннюю жизнь России, разумеется, не на стороне народа, а на стороне контрреволюционных империалистических калединско-кадетских сил. Мы предостерегали этих господ не раз. Но настал, по-видимому, час последнего предостережения. Виднейшие представители Соединенных Штатов оказываются замешанными в калединском заговоре: они принимали все меры, чтобы оказать ему содействие». Сотрудники американской разведки в Яссах Г. У. Андерсон и Р. Г. Перкинс с помощью русских офицеров Колпашникова и Верблюнского предприняли попытку под видом поезда Красного Креста, предназначавшегося для Юго-Западного фронта, отправить из Петрограда 80 автомобилей на Дон, Каледину. Заговор был раскрыт, полковник А. Колпашников и другие участники его арестованы, в руки советских властей попали документы, уличающие заговорщиков. Сообщение заканчивалось таким обращением к послу Соединенных Штатов Америки: «Заговор раскрыт. Заговор американских (и не только американских) империалистов с калединцами. Нити этого заговора ведут, как видно, очень высоко. Слово за Френсисом! Слово за теми, кто его сюда послал!».

Вынужденный отвечать, посол Соединенных Штатов Америки Дэвид Р. Френсис выступил с опровержением, вопреки фактам утверждая, что помогал лишь переотправить автомобили в Румынию, с тем чтобы машины не попали в руки немцев. Даже некоторые американцы, например начальник американской миссии Красного Креста в России полковник Рэймонд Робине и его помощник майор Аллеи Уордуэлл, признали, что явный корниловец А. Колпашников намеревался сопровождать автомобили не в Румынию, а к генералу Каледину.

Все попытки внутренней и внешней контрреволюции закрепиться на Дону разбивались о нараставшее сопротивление трудящихся масс области. 29 декабря 1917 г. калединцы созвали в Новочеркасске съезд крестьянского, неказачьего населения Донской области. Каледин, выступая на съезде, призывал коренных крестьян и «иногогородних» примкнуть к поднятому им анти-

⁷ Автономистские настроения встретили отпор трудового казачества. В марте 1920 г. на Всероссийском съезде трудового казачества была принята такая резолюция: «Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа. Поэтому ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России, к чему стремятся казачьи верхи, теперь спаянные с помещиками и буржуазией, не может быть и речи. Всякие попытки оторвать казаков от общего дела и общей жизни со всем русским трудовым народом трудовое казачество клеймит как явно враждебное своим интересам и интересам революции и будет беспощадно с ними бороться» (*Ульянов Иван*. Первые страницы новой истории казачества. Самара, 1920, с. 15).

советскому казачьему движению. Но эти призывы не помогли. Крестьяне не желали поддерживать контрреволюцию. Делегаты «иногородних» бросали в лицо Каледину и Богаевскому реплики: «Палачи!», «Долой контрреволюцию!», требовали освободить из тюрем заключенных большевиков и отменить военное положение. Только небольшие группы кулаков присоединились к мятежникам.

Одновременно в промышленных городах Донской области (Ростове, Таганроге) рабочие под руководством большевистских организаций выступали против реакционной казачьей верхушки, объявляли забастовки, устраивали политические демонстрации. В Таганроге 17 января 1918 г. вспыхнуло восстание. Брожение охватило и широкие массы трудового казачества Дона.

Совет Народных Комиссаров в обращении к казакам призывал «отменить старые порядки, сбросить с себя покорность крепостникам-офицерам, помещикам, богачам, скинуть с своей шеи проклятое ярмо... Мы призываем вас, казаки, – говорилось в обращении, – присоединиться к этому новому народному порядку и создавать ваши собственные Советы казацких депутатов. Этим Советам должна принадлежать на местах вся власть. Не атаманам в генеральских чинах, а выборным представителям трудового казачества, своим доверенным, надежным людям». Обращаясь к казакам-фронтовикам, Совет Народных Комиссаров указывал, что ненавистная народу изнурительная империалистическая война приносит барыши только капиталистам, помещикам. «А вам, рядовым казакам? Вы гибнете без смысла и без цели, подобно вашим братьям солдатам и матросам... Трудовому казачеству война принесла лишь разорение и гибель... Теперь, казаки, решайте сами: хотите ли вы дальше вести пагубную, бессмысленную, преступную бойню?.. А если хотите скорого и честного мира, тогда становитесь в ряды Советов и под-держите Совет Народных Комиссаров». Эти горячие большевистские призывы доходили до сознания широких масс.

10 января 1918 г. в станице Каменской состоялся съезд фронтового казачества, который образовал Донской военно-революционный комитет. Председателем комитета был избран унтер-офицер Ф. Г. Подтелков, секретарем – прапорщик М. В. Кривошлыков.

Алексей Максимович Каледин (1861–1918) – русский военачальник, генерал от кавалерии, войсковой атаман Дона, деятель Белого движения

Калединское войсковое правительство пыталось «уговорить» революционных казаков. Око предложило Военно-революционному комитету прислать делегатов в Новочеркасск для «переговоров» о мирном разрешении вопроса о власти. 16 января 1918 г. делегация ВРК в составе Ф. Г. Подтелкова, М. В. Кривошлыкова и Я. Н. Лагутина встретила в Новочеркасске с вожаками контрреволюции. Но противоречия между ними были настолько глубокими, что ни о каком соглашении не могло быть и речи. Как показали события, каледины под прикры-

тием «переговоров» готовили наступление и расправу с делегатами ВРК. С помощью местных большевиков Подтелкову и его товарищам удалось уйти из Новочеркасска.

Стремясь расширить плацдарм для наступления в центр России, Каледин посылал отряд за отрядом во все районы области и в шахтерские поселки Донбасса. Контрреволюционные казаки терроризировали рабочих и их организации, разгоняли Советы. Оказывая стойкое сопротивление калединцам, шахтеры Донбасса обратились в Петроград с просьбой о помощи. Советское правительство приняло решительные меры для подавления восстания калединцев. Из разных губерний направлялись в Донскую область и на Украину, где в это время развевалось антисоветское движение украинских буржуазных националистов, красновардейские отряды.

Еще в начале декабря 1917 г. в Харьков для руководства борьбой с калединской контрреволюцией прибыл представитель Совета Народных Комиссаров В. А. Антонов-Овсеенко. В Харькове был создан штаб Южного революционного фронта. В его распоряжение стали поступать красновардейские формирования. Отдельными отрядами командовали П. В. Егоров, Н. А. Руднев, Ю. В. Саблин, Р. Ф. Сиверс, Г. К. Петров и другие. Наряду с присланными из центральных губерний с мятежниками сражались отряды местных красновардейцев Донбасса, Харькова, казачьи сотни Донского военно-революционного комитета.

Решающие военные действия развернулись во второй половине января, а к концу месяца калединцы потерпели полное поражение. Однако даже в этот критический момент калединцы все еще надеялись вовлечь в антисоветское движение население области и избежать гибели. В опубликованной декларации войсковое правительство заявило о решении создать областной «законодательный орган» в составе представителей не только казачьего, но и неказачьего населения, обещало охранять свободу слова, печати, собраний, амнистировать всех заключенных по политическим и земельным делам, отменить военное положение в области, установить строгий контроль за офицерской Добровольческой армией. Но трудящиеся массы уже поняли реакционную суть калединского движения и не верили его главарям. Кольцо вокруг мятежников сжималось. Они вынуждены были отойти к Ростову и Новочеркасску. В их рядах начались распри. Под давлением всех этих событий генерал Каледин сложил с себя полномочия и 29 января 1918 г. покончил жизнь самоубийством. Казачьи верхи (войсковым атаманом вместо Каледина стал генерал А. М. Назаров) еще некоторое время пытались оказывать сопротивление революции, но калединщина уже доживала свои последние дни. 24 февраля советские отряды, поддержанные революционным движением в тылу противника, заняли Ростов, а 26 февраля – Новочеркасску. Остатки калединцев бежали за Дон. Мятеж был ликвидирован, на Дону установилась Советская власть⁸.

Реакционные круги казачества являлись главной силой антисоветского движения и в Оренбуржье. Еще в октябре 1917 г., при Временном правительстве, войсковой круг, состоявший из офицеров и казачьих кулацких элементов, образовал оренбургское войсковое правительство и вручил атаманскую булаву полковнику А. И. Дутову – председателю уже упоминавшегося общероссийского «Совета союза казачьих войск». Дутов вступил в союз с оренбургскими «демократами», сторонниками Временного буржуазного правительства.

После победы Октябрьской революции оренбургские большевики, получившие большинство в городском Совете рабочих и солдатских депутатов, поставили вопрос о переходе власти в городе и области в руки Советов. В город для формирования советских органов прибыл комиссар Советского правительства большевик С. М. Цвиллинг.

Дутов решил одним ударом покончить с Советами. По его приказу и по решению антисоветского «Комитета спасения», созданного эсерами в Оренбурге, в ночь с 6 на 7 ноября казаки

⁸ Подробнее о разгроме калединского мятежа см.: Кириенко Ю. К. Крах калединщины. М., 1976.

арестовали «за призывы к восстанию против Временного правительства» шестерых наиболее видных большевиков города, в том числе председателя Совета А. Коростелева.

В ответ на эти действия Оренбургский городской Совет рабочих и солдатских депутатов провел 14 ноября собрание, на котором был избран Военно-революционный комитет под председательством С. М. Цвиллинга. ВРК постановил предъявить ультимативные требования «Комитету спасения» – передать власть в руки Совета, немедленно сместить с поста заведомого реакционера Дутова, освободить арестованных большевиков. Но Дутов опередил события. В здание караван-сарая, где шло созванное Советом собрание, ворвался отряд казаков и юнкеров во главе с самим Дутовым. Последний объявил об аресте всех членов Совета. Над участниками собрания была учинена зверская расправа.

Газета «Уральский рабочий» так описывала действия дутовцев: «И вот произошло то, что делалось прежде при Николае Кровавом: арестованных силой вытаскивали из помещения, били прикладами, ругали площадной бранью, а когда в кармане Цвиллинга нашли указ Совета Народных Комиссаров о назначении его комиссаром, то произошла ужасная сцена: один из юнкеров рукояткой револьвера нанес ему удар по голове, а остальные начали бить куда попало. Когда арестованные кинулись на защиту председателя, то их постигло то же самое. Озверевшие юнкера, не зная, куда еще применить свою силу, били прикладами стены здания, крича, что камня на камне не оставят от этого гнезда. Избитых арестованных отправили в войсковое правление, где снова подвергли допросу и обыску, после чего часть из них отпустили, а остальных в числе 25 человек отправили в... станицы».

Александр Ильич Дутов (1879–1921) – русский военный, участник Белого движения, атаман Оренбургского казачества

Расправа Дутова с членами Совета рабочих и солдатских депутатов вызвала гнев рабочих города, объявивших всеобщую забастовку. К ним присоединились железнодорожники. Никакие уговоры Дутова и «демократов» из «Комитета спасения» не помогали: рабочие требовали освобождения арестованных и прекращения репрессий против представителей рабочих организаций.

Дутова поддержали только кучка торговцев и промышленников города и «Комитет спасения». 2 декабря 1917 г. он выступил в здании оренбургской биржи перед купцами и промышленниками, призывая их помочь в борьбе с большевиками. Собравшиеся пожертвовали Дутову на содержание конной белогвардейской милиции миллион рублей. Владельцы кожевенных заводов выдали бесплатно большое количество сапог для казаков. Буржуазия органи-

зовала на свои средства и лазарет. Председатель «Комитета спасения» правый эсер Барановский на заседании войскового круга благодарил Дутова за помощь, оказанную «Комитету». Несколько позже «Комитет спасения» принял решение о назначении Дутова «командующим Оренбургским военным округом».

Около трех месяцев орудовал Дутов в Южноуралье. Отряды его казаков захватили Троицк, Верхнеуральск, Челябинск, прервали связь Центральной России со Средней Азией и Сибирью. Дутов посылал казаков на помощь контрреволюции в Саратов, Астрахань, Уральск, Омск. Осуществляя заветные мечты реакционных верхов казачества об автономии казачьих областей, Дутов 22 декабря объявил оренбургское войсковое правительство «единственной властью на всей территории оренбургского казачьего войска».

Пытаясь раздуть пламя мятежа, Дутов связывался и с буржуазными националистами соседних районов: с казахскими и башкирскими кругами, добивающимися «автономии». В Оренбурге 5—13 декабря 1917 г. состоялся общеказакский (общекиргизский) национальный съезд, прошедший под руководством образованной к тому времени казахской буржуазно-националистической партии «Алаш». Съезд занял антисоветскую позицию, образовал так называемую «Автономию казах-киргизских областей» и сконструировал ее правительство – «Временный Народный Совет Алаш-орды» во главе с потомком наследственных ханов Букеевской орды Алиханом Букейхановым. Политической платформой этого «правительства» стала программа партии «Алаш», в основе которой лежала забота о защите интересов местной национальной буржуазии. Эта партия выступала против Октябрьской революции, требовала «твердой власти», «борьбы с анархией», под которой понимала революцию рабочих и крестьян. Ее идеалом, как и идеалом других буржуазных и мелкобуржуазных партий страны, было создание «демократической» буржуазной республики. Вместе с тем она боролась за сохранение феодальных порядков в казахском обществе и навязывала казахским крестьянам изжившие себя феодальные обычаи. Казахские буржуазно-националистические лидеры усмотрели в черносотенно-монархической дутовщине «союзника» и выражали готовность вступить с Дутовым в союз для достижения общей цели – «избавления от большевизма».

В Оренбурге обосновался и «Башкирский национальный совет», объявивший об образовании «Башкирской автономной республики» и добивавшийся «автономии для мусульман». 20 декабря 1917 г. «Учредительный съезд – курултай Башкирии», собравшийся в Оренбурге под защитой Дутова, создал башкирское антисоветское правительство во главе с Ахмедом Заки Валидовым.

Однако широкие трудящиеся массы все решительнее поднимались на борьбу против контрреволюции. Рабочие Оренбурга не прекращали забастовку. Среди уральского казачества усилился раскол: трудовые казаки (как и на Дону) выступали против реакционной политики Дутова, появились первые советские отряды фронтовых казаков под командованием Ивана и Николая Кашириных. Выборы в Учредительное собрание, происходившие в Оренбурге в начале декабря, показали, что значительное количество голосовавших (37 %) шло за большевиками.

Несмотря на тяжелые тюремные условия, большевистские руководители не порывали связей с рабочими массами. С. М. Цвиллинг писал из тюрьмы: «Дорогие товарищи!.. Нас сидит всего 35 человек. Они (дутовцы) заявили, что согласны освободить всех, кроме меня, так как считают меня самым вредным и опасным большевиком... Они меня поймали 14 ноября и, как полагается «социалистам», избili до полусмерти и избитого отправили в казачью станицу, за 30 верст от Оренбурга... Там заперли в клоповник. Местные «старiki» первые два дня грозили все время самосудом, затем мы стали разговаривать, и в результате в несколько дней у меня перебивала вся станица и оказалась распропагандированной. В станице продержали 11 дней и затем перевели под давлением рабочих и солдат в губернскую тюрьму... От частичных освобождений мы отказались. Объявили голодовку, но на третий день состоялось собрание

рабочих до 4000 человек, потребовавшее от нас категорически прекращения голодовки ввиду того, что уже идет к нам помощь и мы должны сохранить силы для работы после освобождения. Мы подчинились и голодовку прекратили... Несмотря на все пережитое, настроение у нас хорошее. Каждый день приходят делегаты от рабочих и солдатских организаций».

12 декабря большевистская городская подпольная организация устроила побег арестованных. Узникам тайно передали оружие в тюрьму, и они совершили под руководством С. М. Цвиллинга смелый налет на часовых, разоружили караульную команду, заперли ее в одну из камер и вышли из тюрьмы. Неподалеку их ждали наготове красногвардейцы.

Между тем Советское правительство формировало вооруженные отряды для разгрома дутовщины. Возглавил эту работу командированный из центра чрезвычайный комиссар по борьбе с дутовщиной, член большевистской партии с 1898 г. П. А. Кобозев. Неподалеку от Оренбурга, в Бузулуке, была создана база формирования советских войск. Сюда по распоряжению Советского правительства направлялись вооруженные отряды из Самары, Златоуста, Челябинска, Уфы и других мест.

Боевые действия развернулись во второй половине декабря, и уже 16 января 1918 г. красногвардейские отряды нанесли тяжелое поражение дутовским войскам, которые отошли к Оренбургу. А 17 января в городе, в тылу мятежников, вспыхнуло вооруженное рабочее восстание. Атакованные с фронта и тыла, дутовцы были разгромлены. 18 января красногвардейцы вступили в Оренбург. Дутов с небольшим отрядом казаков бежал в Верхнеуральск. Другой отряд ушел в сторону Уральска, остальные рассыпались по станицам. Так был ликвидирован еще один очаг контрреволюции.

Против буржуазного национализма

Трудящиеся национальных районов устанавливали у себя власть Советов в борьбе против буржуазных националистов.

В то время как украинский рабочий класс, верный идеалам пролетарского интернационализма, возлагал свои надежды на союз с братским русским и другими народами, украинские буржуазные националистические круги ратовали за отделение от Советской России и образование «самостийной» Украины.

Еще в марте 1917 г. украинские националисты совместно с мелкобуржуазными «социалистическими» партиями (украинских эсеров и украинских эсдеков) созвали в Киеве Всеукраинский национальный конгресс, который образовал руководящий националистический центр – Украинскую Центральную раду и ее исполнительный орган – Генеральный секретариат. Председателем Центральной рады был избран профессор М. С. Грушевский, а председателем Генерального секретариата – В. К. Винниченко (украинский эсдек). Бессовестно спекулируя на национальных чувствах некоторой части политически незрелого населения, Центральная рада создала крупные вооруженные отряды так называемого вольного казачества.

27 октября 1917 г. Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов в Киеве на объединенном заседании приняли большевистскую резолюцию о признании общероссийского Советского правительства, образованного в Петрограде, и выделили из своего состава Военно-революционный комитет для осуществления перехода власти в городе от администрации Временного правительства в руки Советов. Против этого решения выступили штаб Киевского военного округа и некоторые воинские части (юнкера и казаки). 31 октября революционные силы разгромили сторонников Временного правительства.

В это время Украинская Центральная рада на словах соблюдала так называемый нейтралитет. Но как только рабочие и солдаты одержали победу над вооруженными силами штаба Киевского военного округа, Центральная рада, опираясь на сосредоточенные в Киеве свои войска общей численностью около 18 тысяч человек, захватила власть в городе. 7 ноября 1917 г.

Центральная рада обнародовала «Универсал», в котором заявила, что не признает общероссийского Советского правительства, и, так как Временное правительство уже не существовало, объявила себя единственной государственной властью на территории Украины.

Центральная рада обещала украинскому народу провести демократические и социалистические преобразования, решить земельный вопрос в пользу крестьян, установить восьмичасовой рабочий день и т. п. Это были декларации, рассчитанные на завоевание симпатий народа путем обмана. Фактически же деятели Украинской Центральной рады боролись с крестьянскими массами, которые по призыву большевиков перешли в наступление на помещичье землевладение. После Октября Центральная рада отказалась от требования автономии, которое она выдвигала при буржуазном Временном правительстве, и выразила свое намерение отделиться вовсе от Советской революционной России, образовать «самостийное» украинское буржуазное государство по образцу и подобию западноевропейских буржуазных государств. Недаром Центральную раду поддержали все противники Октября, в том числе и представители международного империализма, видевшие в украинском буржуазном национализме движение, направленное против социалистической революции.

В ряде украинских городов (особенно в пролетарских центрах) борьба за Советскую власть в октябрьские дни завершилась победой революционных сил. 10 ноября Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов принял большевистскую резолюцию, в которой приветствовал «законное общероссийское правительство народных комиссаров». Харьковские рабочие и солдаты заявили, что берут власть в городе в свои руки и признают все декреты, изданные Советским правительством, образовавшимся в Петрограде. Они высказались за осуществление украинским народом своего права на национальное самоопределение, предложили созвать Всеукраинский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и образовать на нем Украинскую республику, находящуюся в федеративной связи с Советской Россией. Рабочие установили Советскую власть также во многих городах и рабочих поселках Донбасса.

Таким образом, революционный процесс завоевания рабочим классом власти на Украине развивался неравномерно. Вначале большая часть украинской территории была захвачена Центральной радой и лишь в пролетарских центрах победили Советы. Кое-где наряду с учреждениями и войсками Рады существовали еще органы свергнутого Временного правительства. В районах, примыкавших к Дону, орудовали каледины.

Стремясь к полному захвату власти, Центральная рада начала борьбу как против Советов на местах, так и против Советской России. Контрреволюционная суть Рады особенно ярко проявилась в ее отношении к калединскому движению. Несмотря на то, что банды калединов совершали разбойничьи налеты на города и поселки украинского Донбасса, Харьковской и Екатеринославской губерний, Центральная рада не только не защищала от них украинские земли, но всячески содействовала калединцам. Под предлогом помощи «родственному движению в пользу самоопределения Дона» Рада пропускала через свою территорию казачьи части, офицеров, юнкеров, двигавшихся на Дон для присоединения к Каледину, позволила последнему размещать казаков на украинской земле, обеспечивала их продовольствием и фуражом. В то же время она препятствовала продвижению советских войск, направлявшихся на борьбу с калединской контрреволюцией, разоружала революционные воинские части. Наконец, Рада вступила в тайные переговоры с Калединым о разделе Донбасса и совместной борьбе против Советов.

Контрреволюционная деятельность Центральной рады сопровождалась разнузданной шовинистической агитацией, которую она вела среди украинцев, натравливая их на братский русский народ. Такая политика Рады наносила тяжкий вред не только Советской России, но и украинскому трудовому народу. Классовые интересы русских и украинских пролетариев требовали объединенных совместных действий против общего врага – белогвардейцев, пытав-

шихся задушить революцию на всей территории бывшей Российской империи, повсеместно реставрировать буржуазно-помещичий строй.

3 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял Манифест к украинскому народу, написанный В. И. Лениным. В Манифесте разъяснялась политика Советского правительства в вопросе о самоопределении Украины.

«Исходя из интересов единства и братского союза рабочих и трудящихся, эксплуатируемых масс в борьбе за социализм, – подчеркивалось в Манифесте, – исходя из признания этих принципов многочисленными решениями органов революционной демократии, Советов, и особенно II Всероссийского съезда Советов, социалистическое правительство России, Совет Народных Комиссаров еще раз подтверждает право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России... или вступить в договор с Российской республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними.

Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, признается нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же, без ограничений и безусловно».

Вместе с тем Советское правительство разоблечило в Манифесте реакционную суть Центральной рады, указав на серьезные последствия, к которым неизбежно приведет ее политика сотрудничества с калединской контрреволюцией. Совнарком потребовал от Рады немедленно прекратить поддержку калединского движения, оказать содействие революционным войскам в борьбе с антинародным мятежом.

Центральная рада не дала удовлетворительного ответа на требование Совета Народных Комиссаров и вступила в открытую войну с Советской Россией. Эти события ускорили процесс ликвидации правительства буржуазных националистов и образование на украинской земле рабоче-крестьянского Советского правительства.

По инициативе большевиков 11–12 декабря в Харькове состоялся I Всеукраинский съезд Советов, который постановил объявить Украину Народной республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и избрал ее высший орган – Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет. Съезд заявил, что Украина будет находиться в федеративной связи с Советской Россией и другими советскими республиками, образовавшимися на территории бывшей царской России. Было решено распространить на Украину все декреты и распоряжения Советского рабоче-крестьянского правительства. 17 декабря Всеукраинский ЦИК образовал первое Украинское Советское правительство – Народный Секретариат. Совнарком РСФСР приветствовал этот революционный шаг украинских рабочих и крестьян и обещал первому советскому правительству Украинской республики полную поддержку в борьбе за социализм.

4 января 1918 г. Народный Секретариат опубликовал обращение к украинским войскам, рабочим и крестьянам, в котором призвал их к борьбе с буржуазным правительством Центральной рады. Он заявил: «Генеральный секретариат Центральной рады поддерживает Каледина и всех русских контрреволюционеров в их борьбе против рабоче-крестьянской революции, разжигает национальную вражду между братскими народами и старается образовать на Украине буржуазную власть.

От имени Украинской Народной Республики объявляем Генеральный секретариат Центральной рады врагом свободного украинского народа, призываем и приказываем всем верным делу рабоче-крестьянской революции войскам бороться против буржуазного секретариата Киевской Центральной рады и Каледина».

В ходе революционной войны против врагов народной власти крепло братское единство русских и украинских пролетариев. Война с калединскими реставраторами буржуазно-помещичьего строя и с поддерживавшей их Центральной радой пользовалась сочувствием широких масс украинских трудящихся. Украинское Советское правительство приступило к форми-

рованию красногвардейских частей, и вскоре объединенные русские и украинские советские войска развернули боевые действия против калединцев и Центральной рады. 26 января 1918 г. рабочие-арсенальцы, поднявшие в Киеве восстание против Центральной рады, и наступавшие советские войска под командованием В. А. Антонова-Овсеенко освободили столицу Украины. В течение декабря 1917 – февраля 1918 г. Советская власть была утверждена почти на всей украинской земле.

В Белоруссии противником Октября выступила буржуазно-националистическая Белорусская рада, образованная здесь еще в июле 1917 г. Националисты не имели серьезного влияния среди подавляющего большинства населения Белоруссии – крестьянства. Достаточно сказать, что на выборах в Учредительное собрание Белорусская рада собрала всего 0,3 % всех голосов (29 тысяч при населении в несколько миллионов человек). Большинство белорусского населения и солдат Западного фронта голосовали за большевиков, и в декабре 1917 г. в Минске была установлена Советская власть. Между тем деятели Белорусской рады созвали «национальный съезд» и в ночь на 18 декабря провозгласили «независимость Белоруссии». Это был акт, лишенный какого-либо значения, так как подавляющее большинство населения высказалось за Советскую власть. Белорусская рада была разогнана. Тогда буржуазные националисты связались с командованием польского корпуса, составленного из австрийских военнопленных в России. Корпусом командовал реакционный генерал – корниловец И. Р. Довбор-Мусницкий. В январе 1918 г. при поддержке корпуса начался антисоветский мятеж. Он был подавлен, а его инициаторы бежали в соседние районы, занятые германскими войсками. Позднее, 21 февраля 1918 г., в ходе наступления немцы захватили Минск и ликвидировали Советскую власть на большей части территории Белоруссии.

В тесной связи с общероссийским революционным процессом развивались события и в Молдавии. В течение ноября – декабря 1917 г. и января 1918 г. рабочие и крестьяне установили Советскую власть в Кишиневе, Бендерах, Тирасполе и других городах и населенных пунктах Бессарабии. Однако сразу же после победы социалистической революции молдавские буржуазные националисты и прямые агенты королевской Румынии при помощи эсеров, меньшевиков, бундовцев, контрреволюционного командования Румынского фронта сформировали антисоветский административный орган края «Сфатул цэрий» («Совет страны»), во главе которого стал молдавский националист И. Инкулец.

2 декабря 1917 г. «Сфатул цэрий» провозгласил создание так называемой Молдавской Народной республики. Был сформирован исполнительный орган – Совет генеральных директоров под председательством молдавского эсера П. Ерхана. Руководящие посты в нем заняли: бывший заместитель губернского комиссара Временного правительства В. Кристи и другие молдавские буржуазные националисты.

Лидеры «Сфатул цэрий» демагогически обещали народу свободу, демократические преобразования, землю крестьянам, рабочий контроль над фабриками и заводами и т. п. Однако все эти обещания они не выполняли и грозили крестьянам тяжелыми наказаниями за их попытки покончить с помещичьей собственностью. Они искали поддержку у контрреволюционной Украинской Центральной рады, калединцев и иностранных империалистов.

Как только «Сфатул цэрий» объявил о своем существовании, он незамедлительно получил признание со стороны государств Антанты. В середине декабря Франция, не имея на то согласия Советского правительства, открыла в Кишиневе свое консульство. Французский консул П. Сарре установил связи с местными молдавскими контрреволюционерами и всеми имевшимися в его распоряжении средствами направлял их деятельность. Представителей Антанты поддерживал штаб Румынского фронта, в котором фактически хозяйничали американский посол в Румынии Ч. Випичка, французский посол Д. Сент-Олер и английский – Д. Барклай, находившийся в Яссах (Румыния).

В борьбе против Советской власти молдавская буржуазно-националистическая контрреволюция совершила величайшее национальное предательство. Ее главари – окопавшиеся в «Сфатул цэрий» и Совете генеральных директоров И. Инкулец, П. Ерхан, И. Пеливан и другие – втайне от народа сговорились с правящими кругами империалистических государств об отторжении правобережной (между Прутом и Днестром) части Молдавии, носившей название Бессарабии, и передаче ее королевской Румынии. Ввод румынских войск в Бессарабию мотивировался необходимостью «восстановления порядка от большевистской анархии». В январе – марте 1918 г. Бессарабия была оккупирована румынской армией. Временная оккупация превратилась в аннексию части территории Молдавии королевской Румынией. В восточной же, левобережной, части Молдавии установилась Советская власть.

Весьма остро протекала борьба за установление Советской власти в сложной обстановке Северного Кавказа.

В Терской области контрреволюция возглавлялась реакционными элементами терского казачества и националистическими и религиозными организациями горских народов. Казачья контрреволюция вначале группировалась вокруг войскового атамана терского казачьего войска, бывшего комиссара Временного правительства на Тереке М. А. Караулова и образованного им 10 ноября 1917 г. во Владикавказе антисоветского войскового правительства. Горская контрреволюция возглавлялась шейхами, муллами, богатыми скотоводами, промышленниками и представителями местной буржуазной интеллигенции Терской области и Дагестана. Под предлогом защиты национальных и религиозных интересов мусульман руководители этого движения в декабре 1917 г. провозгласили созданный ими еще при Временном правительстве Союз объединенных горцев Кавказа «автономным штатом Российской Федеративной Республики», а его руководителей – кумыкского князя Рашид-Хан Капланова, чеченского нефтепромышленника Тапа Чермоева, кабардинского конезаводчика Пшемахо Коцева, ингушского деятеля Васангирея Джабагисва и других – «правительством штата», распространившим свою власть на Дагестан, Терек и другие районы Северного Кавказа, населенные мусульманами.

В сущности, Союз объединенных горцев Кавказа являлся пан-исламистской организацией: он поднял «зеленое знамя ислама», пытаясь повернуть историю вспять, сохранить давно уже отжившие законы и обычаи корана, шариата, а особенно – сложившиеся издавна и существовавшие при царизме земельные отношения, выгодные эксплуататорским классам. Эта организация находилась под влиянием соседней Турции, агенты которой обещали горцам «освобождение мусульманских народов Кавказа от русского ига». Прямыми агентами Турции были «водители» горцев Нажмуддин Гоцинский и Узун-Хаджи. Богатый скотовод, ученый-арабист из селения Гоци Аварского округа в Дагестане, Нажмуддин Гоцинский до революции был наибом (начальником) Косубулинского участка, пользовался большим влиянием и почетом среди темных мусульманских масс, а после революции намеревался стать имамом (светским и духовным владыкой) всего Кавказа. 23 января 1918 г. на Вседагестанском съезде горцев его избрали главным муфтием – руководителем духовного управления мусульман Северного Кавказа. А фанатичный Узун-Хаджи иступленно призывал горцев к восстанию против России с целью «продолжить дело Шамиля» и создать на Кавказе мусульманскую «шариатскую монархию».

Советское правительство с первых же дней Октября выступило как защитник угнетавшихся русским самодержавием народов, в том числе и мусульман. В обращении Совета Народных Комиссаров к трудящимся мусульманам от 20 ноября 1917 г. говорилось: «Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!»

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное Правительство!». Но реакционные элементы мусульманства натравливали отсталые массы, призывали их к борьбе против русского трудового народа, который нес им освобождение от национального и социального гнета.

Вокруг Нажмуддина Гоцинского и Узун-Хаджи группировались отсталые, подстрекаемые ими горцы, которые нападали на русские поселки. Вскоре Узун-Хаджи провозгласил себя имамом Чечни и Дагестана. За время кратковременного имамства его банды буквально снесли с лица земли 170 русских поселков, молдаванских хуторов, немецких колоний, расположенных на кумыкской плоскости. Терские казаки в свою очередь стали нападать на чеченские поселения. Разгоралась межнациональная резня.

В сложнейшей политической обстановке большевистские организации Терека и Дагестана вели работу среди трудящихся, призывая русских и горцев прекратить бессмысленную резню и совместно работать над устройством новой жизни. Во Владикавказе (ныне Орджоникидзе) и Грозном были организованы военно-революционные комитеты для борьбы с контрреволюцией и установления порядка в крае; они объединили силы рабочего класса, крестьянства различных национальностей и трудового казачества. В марте 1918 г. имамство на Чечне было ликвидировано, а Узун-Хаджи изгнан. 17 марта съезд трудящихся Терека провозгласил Советскую власть. В мае рабоче-крестьянская власть была установлена и в Дагестане, где потерпел поражение Нажмуддин Гоцинский. Трудящиеся крестьяне-мусульмане все более осознавали великие завоевания Октябрьской революции, которая позволила им взять землю в свои руки.

В Закавказье после Октября националистические партии грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов объединились в антисоветскую коалицию и с участием русских меньшевиков и эсеров образовали 15 ноября 1917 г. в Тифлисе так называемый Закавказский комиссариат, который стал краевым буржуазным правительством, выступавшим за отделение Закавказья от Советской России. Но буржуазным националистам не удалось тогда распространить свою власть на всю территорию края. В пролетарском Баку рабочие, солдаты и матросы разных национальностей поддержали Октябрьскую социалистическую революцию и центральное Советское правительство. 2 ноября Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов взял в свои руки власть в Баку и его районах. Во главе Совета стал член ЦК РСДРП (большевиков) С. Г. Шаумян.

Против революционного Баку ополчились Закавказский комиссариат, бакинские организации националистических партий, имевшие свои воинские формирования, а также русские группы эсеров и меньшевиков. Городу угрожали и турецкие войска, пытавшиеся захватить богатый нефтью край.

Нажмудин Гоцинский (1859–1925) – политический деятель и духовный лидер. Председатель Духовного совета (муфтий) Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Один из руководителей контрреволюционного движения в Дагестане в 1917–1921 годах. После подавления мятежа в Дагестане, Гоцинский бежал в Чечню. С 1921 года вплоть до ареста скрывался в Чечне и Хасавюртовском округе

Особую опасность представляли тогда азербайджанские буржуазные националисты. До революции 1917 г. их партия – мусават – придерживалась клерикально-феодалных, панисламистских взглядов, призывая все мусульманские народы «без различия наций и религиозных толков» объединиться для борьбы «за возвращение былой славы», когда ислам был «властителем на таких громадных частях света, как Азия, Европа и Африка».

В октябре 1917 г. председатель Бакинского ЦК партии мусават Мамед Эмин Расул-заде, выступая на I съезде объединенной партии мусават, заявил, что «целью тюркского народа является... стремление» составить «вместе с остальными группами, входящими в состав мусульманского интернационала, общий букет». Этими цветистыми словами Расул-заде выражал идею создания в союзе с другими мусульманскими народами единого тюркского буржуазного государства.

После победы Октября мусаватисты открыто проповедовали отделение Азербайджана от Советской России. Они образовали мусаватистское «управление» во многих районах Азербайджана, а их главы вошли в антисоветское правительство «Закавказский комиссариат».

30 марта вооруженные отряды мусаватистов, сконцентрированные в Старом городе, опираясь на прибывший в Баку вооруженный отряд бывшей царской «дикий дивизии», напали на советские воинские части. В последовавших затем кровопролитных боях с обеих сторон участвовало около 20 тысяч человек. Одновременно происходили кровавые столкновения между азербайджанским (мусульманским) и армянским (христианским) населением города. В течение двух дней было убито более 3 тысяч человек.

1 апреля советские войска, поддержанные рабочим населением, подавили мятеж. Мусаватисты приняли условия ультиматума, предъявленного им Комитетом революционной обороны: признали власть Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и обязались вывести контрреволюционные войска из города.

Победа революционных сил привела к переходу всей полноты власти к Бакинскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

В Крыму Советская власть была установлена после упорной борьбы с контрреволюционными группами монархистов, сторонников буржуазного Временного правительства, татарских буржуазных националистов.

Большую роль в крымской контрреволюции играла татарская мусульманская буржуазно-националистическая партия Милли Фирка. Она была учреждена группой молодых крымских интеллигентов (преимущественно учителей и молодых мулл), учившихся в Турции и воспитанных там на идеях панисламизма и пантюркизма. Организаторы этой партии возлагали надежды на мусульманскую Турцию и мечтали о том, чтобы Крым находился под ее протекторатом.

После Октября партия Милли Фирка и возглавляемые ею татарские националистические организации резко активизировали свою деятельность. Они добивались полного отделения Крыма от Советской России. 30 октября 1917 г. буржуазные националисты образовали так называемый Крымский военно-революционный комитет и объявили войну большевизму. 26 ноября в Бахчисарае открылся Всекрымский татарский съезд – курултай, который объявил себя национальным парламентом, утвердил татарское национальное правительство – Директорию. По настоянию буржуазных националистов в Крым с фронта были введены татарские воинские части – преимущественно конные эскадроны. Проведя пропагандистскую работу среди «эскадронцев», буржуазные националисты получили в свое распоряжение довольно крупные вооруженные отряды и стали реальной силой, противостоящей Советской власти. К этим отрядам примыкало немало и белогвардейских русских офицеров.

Но большинство трудящихся Крыма встало на сторону революции. Сначала в Севастополе, а затем в Евпатории, Ялте, Феодосии, Керчи власть в течение ноября – декабря 1917 г. перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. Главную силу революции составляли рабочие и матросы Черноморского флота.

Начались вооруженные столкновения между объединенными татарскими националистическими и белогвардейскими отрядами и советскими силами в разных местах. «Крымский штаб» мятежников решил покончить с революционным Севастополем. Сосредоточенные в районе Бахчисарая татарские эскадроны двинулись в поход. В ночь на 11 января 1918 г. нача-

лись бои под Севастополем. Но матросы и рабочие, защищавшие город, разбили «эскадронцев». 12 января сторонники Советской власти заняли Бахчисарай и пошли на Симферополь. Их поддержали внутри Симферополя рабочие, восставшие против буржуазно-националистических крымских правителей. После продолжавшихся три дня боев антисоветские силы оставили город.

В Крыму была установлена Советская власть, избран советский руководящий орган – Таврический центральный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

31 октября 1917 г. трудящиеся Ташкента, административного центра Туркестанского края, начали вооруженное восстание против администрации Временного правительства. В четырехдневных боях революционные отряды нанесли поражение юнкерам и казакам, заняли город и крепость и передали власть Совету рабочих и солдатских депутатов. Вскоре Советская власть утвердилась в Самарканде, Ходженте, Термезе, Мерве (ныне Мары), Чарджуе (ныне Чарджоу), Ашхабаде и других городах края.

15 ноября 1917 г. созванный в Ташкенте III краевой съезд Советов принял декларацию о провозглашении Советской власти в крае и избрал Туркестанские ЦИК и Совет Народных Комиссаров. В состав Совнаркома вошли большевики, левые эсеры и эсеры-максималисты. Председателем Совнаркома стал большевик Ф. И. Колесов.

Так же как и на других национальных окраинах России, в Туркестане против Советов выступили местные буржуазные националисты.

Буржуазно-националистическое мусульманское движение в Туркестане зародилось в панисламистских и пантюркистских кругах, группировавшихся вокруг организации «Шуро-и-Исламия» (Совет исламистов), образовавшейся на Ташкентском мусульманском съезде еще в марте 1917 г. Ее руководителями были представители мусульманской интеллигенции, высшего духовенства, крупные торговцы и предприниматели.

После Октября в Ташкенте состоялся мусульманский съезд, который противопоставил себя III краевому съезду Советов. Съезд заявил, что «пути к самоопределению мусульман не могут быть иными, как только те, которые указаны в коране и шариате», и потребовал предоставить в органах власти края половину мест здешней местной буржуазии и духовенству. В сущности, это было требование ликвидировать Советскую власть – власть рабочих и крестьян – и заменить ее властью местных баев и духовенства. III краевой съезд Советов отверг притязания мусульманских reactionеров.

27 ноября лидеры буржуазных националистов вновь созвали в Коканде (Ферганская область) общемусульманский съезд, который провозгласил «автономию» Туркестана и образовал «Совет министров автономного Туркестана» во главе с лидером «Шуро-и-Исламия» Танышбаевым (вскоре его заменил Мустафа Чокаев). В городе Коканде возникли две власти: в новом городе и крепости – Советская власть, то есть власть выборных от рабочих, солдат и местной бедноты, в старом городе – власть «автономного правительства», то есть власть баев, богачей и мусульманского духовенства. «Кокандские автономисты» создали «вооруженные мусульманские силы», основу которых составил отряд басмачей под командованием известного в Фергане Иргаша, отбывавшего в прошлом наказание за разбой и ставшего при «автономистах» начальником милиции в Коканде. «Кокандские автономисты» надеялись превратить советскую Среднюю Азию в буржуазно-помещичье государство, находящееся под покровительством и контролем Великобритании.

13 декабря 1917 г. (в день «рождения» пророка Магомета) мусульманскому духовенству и буржуазным националистам при поддержке других контрреволюционных элементов удалось организовать в Ташкенте антисоветскую демонстрацию в поддержку «Кокандской автономии» и «в защиту ислама». Толпы фанатиков прорвались к тюрьме и насильственно освободили содержащихся там контрреволюционеров. В городе произошли кровавые столкновения. Демонстранты были разогнаны рабочими.

В конце января 1918 г. туркестанские советские органы потребовали, чтобы «правительство Кокандской автономии» разоружило и распустило шайки басмачей. «Совет министров Кокандской автономии» отказался выполнить это требование. В ночь на 30 января его отряды – главным образом басмачи Иргаша – напали на красногвардейцев Коканда. Басмачи окружили крепость и учинили в новом городе резню и погром. Городской военно-революционный комитет во главе с большевиком Е. А. Бабушкиным организовал оборону и отбил нападение басмачей. Через два дня после первого нападения «автономисты» вновь окружили Кокандскую крепость. Начались кровопролитные бои. Рабочие Ташкента, Самарканда и других мест оказали военную поддержку кокандским трудящимся. Басмачи были разгромлены, и «Кокандская автономия» ликвидирована. Вся власть перешла в руки Кокандского Совета рабочих и солдатских депутатов. Иргаш с остатками своей шайки скрылся.

Кокандское «автономистское» движение оказало влияние на все районы Туркестана и на его окраины. Бухарский эмир Сеид Алим-хан, находившийся в вассальной зависимости от царской России, поддержал это контрреволюционное движение. Так же действовали и правители ханской Хивы. Английские империалисты снабдили их оружием и толкнули на войну с Советской Россией.

Опаснейшей формой проявления буржуазного национализма стало басмачество. Басмачами в Средней Азии издавна называли разбойников – «налетчиков». Помимо обычных разбойных налетов они совершали нападения на местную царскую администрацию, на русских поселенцев, выражая этим протест против колониального гнета. В советское время буржуазно-националистические и байские элементы привлекли басмачей к себе на службу, чтобы превратить их в антисоветскую силу, в защитников феодального уклада жизни. Басмачество стало реакционным, антисоветским движением, главари которого действовали методами кровавого бандитизма.

Большую опасность в крае представляло и антисоветское движение бывших колонизаторских элементов. В нем участвовали зажиточная часть казачества, бывшие царские чиновники, жандармы, полицейские, русские владельцы промышленных предприятий, кулаки русских поселений. До революции они были оплотом царского строя в Туркестане, а теперь, после Октября, отстаивали свои привилегии, собственность, вынашивали планы восстановления колониальных порядков.

В ноябре 1917 г. реакционная верхушка «войскового совета Семиреченского казачьего войска» не подчинилась центральному Советскому правительству, разогнала местный Совет рабочих и солдатских депутатов и захватила власть в центре Семиречья – Верном (ныне Алма-Ата).

В январе 1918 г. в Туркестан прибыли оренбургские и семи-реченские казаки, стоявшие раньше гарнизонами в Хиве и Персии. Эти вооруженные отряды (14 сотен) представляли угрозу для только что образовавшейся Советской власти края. Туркестанский Совнарком предложил им сдать оружие. Но их начальник, полковник И. М. Зайцев, командовавший ранее русскими войсками в Хиве, ответил отказом и, объединившись с другими антисоветскими силами, выступил против рабоче-крестьянской власти. Сотни Зайцева заняли города Чарджуй, Самарканд и двинулись на Ташкент. 14 февраля 1918 г. красногвардейские отряды туркестанских рабочих встретили казаков возле станции Ростовцево (неподалеку от Самарканда). Те заколебались и, отказавшись воевать против народа, сдали оружие.

2—3 марта 1918 г. трудящиеся Семиречья, не подчинившись «войсковому совету Семиреченского казачьего войска», организовали в Верном «военревком» и приступили к созданию Советской власти и Красной гвардии. Казачья верхушка вынуждена была уступить рабочим. В феврале 1918 г. Советская власть была установлена в Пишпекке (ныне Фрунзе) и в других городах Семиречья.

Таким образом, Советская власть в первые месяцы после Октября утвердилась на большей части территории бывшей царской Российской империи. Объясняя причины столь быстрой победы, В. И. Ленин говорил: «По всей России вздымалась волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел, потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Наш лозунг «Вся власть Советам», практически проверенный массами долгим историческим опытом, стал их плотью и кровью».

Глава 2. Образование и начало деятельности Советских органов борьбы с контрреволюцией

Создание советских судебных и следственных учреждений

Большевистская партия еще до Октября понимала, что новый, социалистический строй не может победить без борьбы с поверженным капитализмом. В классическом труде «Государство и революция» В. И. Ленин писал: «Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в господствующий класс, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства все трудящиеся и эксплуатируемые массы».

Таким образом, В. И. Ленин предвидел и считал возможным применение рабочим классом после его победы государственных принудительных мер для подавления сопротивления эксплуататоров-капиталистов. Защищая от критики левых эсеров изданный СНК декрет, объявляющий партию кадетов партией врагов народа, В. И. Ленин говорил: «Когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат, – другие средства не изобретены».

Для осуществления революционных задач пролетариат должен был создать свой государственный аппарат, свои учреждения управления. Старый государственный аппарат, являющийся буржуазным аппаратом насилия и подавления трудящихся, не мог осуществлять задачи пролетариата; он подлежал разрушению, слому. Вместо него нужно было образовать новые учреждения, соответствующие целям социалистической революции.

В первые же дни Октябрьской революции восставший народ сломал, разрушил ненавистный буржуазный государственный аппарат насилия и принуждения: полицию, жандармерию, суды, прокуратуру. Была проведена демократизация старой армии, вся полнота власти в ней была передана солдатским комитетам и Советам.

В эти дни В. И. Ленин, опираясь на жизненный опыт рабочих и крестьян, призывал: «Товарищи трудящиеся! Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки. Ваши Советы – отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы.

Сплотитесь вокруг своих Советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев и тому подобное.

Вводите строжайший контроль за производством и учетом продуктов. Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу...». Это были новые, неведомые ранее рабочему классу задачи. Революционный порядок в стране, завоевания Октября могли быть обеспечены и сохранены только при условии максимального развития самостоятельности широких народных масс, при их участии в строительстве нового государства.

В Петрограде, Москве и других местах, где победила революция, рабочий класс и его организации приступили к созданию своих революционных органов борьбы с контрреволюцией и новых судебно-следственных учреждений.

Первым советским органом борьбы с контрреволюцией и уголовной преступностью стал Военно-революционный комитет, образованный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов еще накануне Октябрьской революции. Это был боевой орган революции, созданный под руководством партии большевиков для подготовки и проведения вооруженного восстания. С 27 октября ВРК – главный оперативный орган ВЦИК и Совнаркома по созданию аппарата новой государственной власти, а также по борьбе с саботажем и контрреволюцией.

Уже 24 октября 1917 г. Военно-революционный комитет призвал всех трудящихся Петрограда «задерживать хулиганов и черносотенных агитаторов и доставлять их комиссарам Совета в ближайшую войсковую часть». Комитет предупреждал: «При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу преступники будут стерты с лица земли». Опираясь на вооруженные массы рабочих и солдат, Военно-революционный комитет подавлял все контрреволюционные попытки и сопротивление приверженцев старого режима, строго охранял революционный порядок в столице.

Первая советская следственная комиссия образовалась при Петроградском военно-революционном комитете в те дни, когда на улицах столицы еще шли революционные бои. В ее работе принимали участие рабочие, солдаты, матросы. Они задерживали врагов революции, уголовников, спекулянтов, приводили их в Смольный, где другие рабочие, солдаты и матросы – члены следственной комиссии, выделенные общественными организациями, – разбирали их дела. Наиболее опасных преступников заключали в тюрьму, менее опасных освобождали.

В эту комиссию большевистская партия направила своих активных работников – П. А. Красикова, М. Ю. Козловского и других. В расследовании отдельных дел участвовали П. И. Стучка, М. С. Урицкий, Н. В. Крыленко, Я. С. Шейнкман, Б. Д. Мандельбаум.

М. Ю. Козловский впоследствии рассказывал, что комиссии пришлось начинать свою работу «во время революции, когда события разыгрывались на улицах, перед Зимним дворцом... В комиссии был матрос Алексеевский... Это было единственное лицо, изображавшее и председателя, и члена комиссии, и чуть ли не весь секретариат. Работала комиссия в одной комнатке в Смольном, наверху в 3-м этаже, в ужасных условиях... В нашем распоряжении был стол и несколько стульев, писали на коленях. Бесконечное количество людей, постоянный приток солдат... Следственная комиссия работала днем и ночью без перерыва...».

И действительно, надо было расследовать дела арестованных контрреволюционеров, участников заговоров против только что рожденной Советской республики, вести борьбу с чиновниками, начавшими саботаж; с капиталистами, финансировавшими антисоветские выступления; с контрреволюционной и желтой прессой, злобно клеветавшей на революцию; со спекулянтами, которые пользовались продовольственными трудностями; с наследием старого режима – разгулявшимися бандитами, хулиганами, уголовниками.

В те первые дни Советской власти, когда не было еще судов, эта комиссия выполняла не только судебные и следственные, но и административные функции: закрывала старые судебные учреждения, разбирала их дела и архивы, конфисковывала имущество капиталистов, штрафовала спекулянтов, реквизировала обнаруженные у них товары и т. д. Условия революционного времени заставляли действовать быстро, решительно.

Председатель правления Русско-Азиатского банка известный капиталист А. И. Путилов обвинялся в финансировании контрреволюции. Следственная комиссия вызывала его несколько раз, но он не являлся. В газетах было напечатано такое объявление: «Следственная комиссия предписывает Алексею Ивановичу Путилову немедленно явиться для допроса... В случае уклонения Путилова от явки в течение недельного срока со дня напечатания сего имущество Путилова будет подвергнуто конфискации». Однако и после этого Путилов не явился в следственную комиссию и бежал из Петрограда за границу. И тогда 30 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров постановил все его движимое и недвижимое имущество конфисковать.

Деятельность Петроградской следственной комиссии вызывала ненависть и яростные нападки враждебных элементов. Особенно неистовствовала контрреволюционная пресса, злобно клеветавшая на работников следственной комиссии. По настоянию левых эсеров, подхвативших буржуазные нападки, в середине января 1918 г. была начата ревизия работы следственной комиссии. Но провокационная кампания провалилась. 26 февраля, заслушав доклад ревизионной комиссии, Совет Народных Комиссаров констатировал, что поход контрреволюции против руководителей следственной комиссии «представляет собой часть общей злостной кампании лжи и клеветы, направленной против Рабоче-крестьянской власти представителями, агентами и наемниками буржуазии».

Через несколько дней после победы Октября, 4 ноября 1917 г., в Петрограде, на Выборгской стороне, в доме № 33 по Большому Сампсониевскому проспекту начал работать суд, образованный районным Советом рабочих и солдатских депутатов. Это был первый в России советский народно-революционный суд.

Места за судейским столом заняли пять судей, отдельно избранных Советом рабочих и солдатских депутатов, районным бюро профессиональных союзов, советом фабрично-заводских комитетов, районной думой и советом домовых комитетов. Один из судей – рабочий А. Шашлов – рассказал о задачах нового суда, являющегося детищем Октября, и призвал всех собравшихся активно участвовать в рассмотрении судебных дел. Председатель Суда рабочий-большевик с завода «Новый Лесслер» И. В. Чакин разъяснил, что все присутствующие имеют право задавать вопросы подсудимым и свидетелям, высказывать мнение по существу дела. Суд предоставит слово двум гражданам из публики, желающим выступить в качестве обвинителей, и двум гражданам, желающим выступить в качестве защитников.

Первым рассматривалось дело Беляева, задержанного и доставленного в суд красногвардейцами. Беляев, будучи членом отряда рабочей милиции, напился пьяным, дебоширил, стрелял из винтовки. Теперь он горько раскаивался.

По приглашению председательствующего обвинителями выступили двое рабочих. Они заклеили позорное поведение своего товарища и потребовали его строгого осуждения.

Судьи удалились на совещание и вскоре, вернувшись в зал, объявили приговор – исключить Беляева из состава рабочей милиции как не оправдавшего народного доверия и предупредить, что в случае повторения подобных поступков он будет наказан более строго.

В первые дни Октября в Нарвском районе Петрограда действовал другой, подобный Выборгскому, народно-революционный суд, в составе которого были избранные рабочими-путиловцами Иван Генслер, Василий Алексеев, Григорий Самодел, Федор Лемешев.

А в зале Горчаковского дворца заседал несколько иной по форме суд в составе представителей профессиональных союзов и Совета рабочих и солдатских депутатов под председательством механика Куликова. Этот суд совмещал следственные и судебные функции; был и следственной комиссией и судом. Действовал он в публичных заседаниях, причем судьи составляли на заседании как бы президиум, выносили же решение все присутствующие граждане.

Вот как рассматривалось в этом суде первое дело – Егора Комлева, обвиняемого в пьянстве, сопротивлении красногвардейцам и в торговле денатуратом (которым пользовались тогда вместо водки).

Заседание началось с оглашения материалов предварительных опросов, произведенных судьями – членами следственной комиссии. Затем председательствующий пригласил желающих из публики выступить обвинителем. Вызвался рабочий Демидов. Он призвал судить подсудимого «судом народным, справедливым».

– Мы живем в революционное время, со всех сторон окруженные врагами, – говорил он. – Враги следят за каждым нашим шагом и за поступок одного клеймят позором всех. Поэтому мы должны показать им, что умеем с честью носить имя свободного гражданина и имеем право вражеские обвинения назвать ложью. Вот такие, как Комлев, мешают и всячески вредят нам в

этом деле. В дни великих событий он пьянствует и скандалит на улице... Я прошу народный суд признать его виновным. Он должен понять, что народ в лице своего суда осудил его за вину перед народом...

В качестве защитника выступил садовод Керре. Получили слово и два красногвардейца, задержавшие Комлева. Один из красногвардейцев говорил о том, как был задержан подсудимый, и призвал «судить не по форме, а с пониманием», помочь Красной гвардии «очищать» народ от его «позорящих членов».

Член комиссии по охране города А. Н. Сергеев, обращаясь к суду, сказал:

– Я не сторонник наказания. Сам был судим неоднократно по политическим делам старой властью, но вам я на него (Комлева) и ему подобных указываю и говорю: вот они мелкие враги революции, те, кто спекулирует и спаивает. Осуждение его – вот единственный ответ на его поступок.

Председательствующий Куликов счел нужным разъяснить присутствующим, что несовершенных доказательств виновности Комлева в торговле денатуратом нет.

– Сомнение всегда толкуется в пользу обвиняемого. Лучше оправдать виновного, чем осудить невинного. Помните, что вы судите человека, – сказал он.

По окончании судебных прений председатель сформулировал и поставил на открытое голосование всех присутствующих три вопроса: 1) виновен ли подсудимый Комлев в пьянстве и буйстве; 2) виновен ли он в сопротивлении красногвардейцам и оскорблении их; 3) виновен ли он в торговле денатуратом.

Суд-собрание единогласно признал Егора Комлева виновным в пьянстве, оскорблении и сопротивлении красногвардейцам. Кроме того, большинством голосов (37 против 24) – виновным в торговле денатуратом. Из разных предложений, внесенных присутствующими, открытым голосованием принято было одно – осудить Комлева к двум месяцам общественных принудительных работ.

В городе Кронштадте рабочие, солдаты и матросы образовали «суд общественной совести», в который вошли: три представителя Совета рабочих и солдатских депутатов; по одному представителю от городского самоуправления, комитетов разных политических партий, входящих в Совет, и Совета крестьянских депутатов, а также трое местных судей, избранных еще до Октября, но утвержденных Советом рабочих и солдатских депутатов. При этом наметилась определенная тенденция – «построить новый суд на основе политической группировки местного Совдепа».

Яркое представление о том, как создавались органы борьбы с контрреволюцией на периферии, дают воспоминания члена партии большевиков с 1904 г. И. Л. Толстикова, участника Октябрьского переворота в городе Богородске Нижегородской губернии.

«Будучи комиссаром юстиции Совета депутатов, – рассказывал автор, – я видел, что судебный аппарат царского режима разрушен окончательно, а нового пока не создано. Потребность же у населения в этом аппарате чувствовалась огромная. Я широко поставил в известность население района, а также рабочих кожевенных заводов, что каждый гражданин или гражданка, имеющие надобность в обращении к судебным органам как в гражданском, так и в уголовном порядке, могут с ходатайством обращаться ко мне, как к комиссару юстиции, и мною таковые будут рассматриваться публично в Народном доме. В день назначенного заседания набивалось обычно большое количество народа. Я всегда ровно в 7 часов вечера объявлял судебное заседание открытым и предлагал собравшимся избрать на данное заседание председателя и секретаря. Всегда неизменно избирали меня и моего технического секретаря, и такие заседания часто затягивались до 4 или 5 часов утра, и публика терпеливо дожидалась конца. В прениях по тому или иному процессу участвовали, кроме сторон, и все присутствующие в Народном доме, причем собравшиеся путем голосования решали судьбу того или иного процесса и определяли меру наказания или удовлетворения гражданского иска».

Трудящиеся, участвовавшие в работе первых советских судов и следственных комиссий, расследовали дела и судили не по писаным законам, которых еще не было, а руководствуясь своим революционным правосознанием. Каждый участвовавший в процессе чувствовал себя ответственным следователем, судьей. Приговоры народно-революционных судов пользовались огромным авторитетом у трудящихся.

В первое время после Октября кое-где сохранились и дореволюционные суды, особенно мировые.

Жизнь требовала внести единообразие в систему советских судебных и следственных учреждений.

22 ноября 1917 г. Советское правительство приняло первый декрет о суде. Он прежде всего определил, что все дореволюционные окружные суды, судебные палаты, правительствующий Сенат, военные и морские суды, институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры упраздняются, а действие института мировых судей приостанавливается. Взамен прежних образовывались новые выборные советские судебно-следственные учреждения, организуемые на широких демократических основах. Предусматривалось создание и специальных судебно-следственных учреждений для борьбы с контрреволюцией. В ст. 8 декрета указывалось: «Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Для производства же по этим делам предварительного следствия при тех же Советах образуются особые следственные комиссии».

Этот декрет и последующие инструкции юридически закрепили важнейшие демократические принципы и нормы судостроительства и судопроизводства, выработанные самодельными народно-революционными судами и следственными комиссиями еще до опубликования декрета. Основными принципами работы революционных трибуналов и народных судов стали: 1) избираемость судей и членов следственных комиссий Советами, широкое участие в работе судов и следственных комиссий народных представителей; 2) гласность и публичность судопроизводства; публичность распространялась и на деятельность следственных комиссий, важнейшие решения которых принимались в открытых заседаниях; 3) полное равноправие сторон в судебном процессе, достигавшееся отменой особых прав, которые имело раньше обвинение (прокуратура) в процессе дознания, следствия и суда; общественными обвинителями и общественными защитниками мог быть каждый из присутствующих на суде неопороченных граждан; 4) допущение защиты со стадии предварительного следствия; 5) коллегиальность в решении вопросов предварительного следствия и судебного процесса; 6) в виде наказаний суды могли применять: денежный штраф, общественное порицание, лишение общественного доверия, принудительные общественные работы, лишение свободы, высылку за границу и т. п. Смертная казнь не входила в число предусмотренных законом наказаний.

Рождение ВЧК

Но система судебно-следственных учреждений, сложившаяся в первое время после Октябрьской революции, не обеспечивала достаточно эффективной борьбы с контрреволюцией и другими видами наиболее опасных преступлений. Следственные комиссии и революционные трибуналы занимались рассмотрением дел об уже известных, совершенных преступлениях. Между тем контрреволюция тайно устраивала заговоры, готовила восстания, не брезгуя никакими средствами борьбы против республики Советов. Политическая обстановка насто-

ятельно требовала создания такого аппарата, который мог бы выявлять, своевременно пресекать, предупреждать зреющие, подготавливаемые контрреволюцией преступления, действовать оперативно, решительно, опираясь на содействие и поддержку трудящихся. С этой целью были образованы специальные комиссии и комитеты по борьбе с отдельными видами особо опасных для революции преступлений. Среди них наибольшее значение приобрели Комитет по борьбе с погромами и Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Вскоре после победы Октябрьской революции темные, буйствующие мелкобуржуазные деклассированные элементы в Петрограде стали громить винные погреба и склады. Они напились, открывали стрельбу, совершали грабежи и убийства. В. А. Антонов-Овсеенко, командовавший в то время войсками Петроградского военного округа, впоследствии писал: «Никогда не виданное бесчинство разлилось в Петрограде. То там, то сям появлялись толпы громил, большей частью солдат, разбивавших винные склады, а иногда громивших и магазины... Никакие увещания не помогали. Особенно остро встал вопрос с погребами Зимнего дворца... Как только наступал вечер, разливалась бешеная вакханалия. «Допьем романовские остатки!» – этот веселый лозунг владел толпой. Пробовали замуровать входы – толпа проникала сквозь окна, высадив решетки, и грабила запасы. Пробовали заливать погреба водой – пожарные во время этой работы напились сами». Действенные меры борьбы с погромами подсказали революционные массы, которые начали расправляться с пьяницами и грабителями. «Когда за борьбу с пьяницами взялись гельсингфорские моряки, – писал В. А. Антонов-Овсеенко, – погреба Зимнего были обезврежены. Это была своеобразная титаническая борьба. Моряки держались стойко, связанные свирепым товарищеским обетом – «смерть тому, кто не выполнит зарока», и, сами в другое время великолепные «питухи», они победили николаевское зелье... На Васильевском острове борьба была проведена твердо. Финляндский полк... объявил остров на осадном положении и заявил, что будет расстреливать грабителей на месте, а винные погреба взрывать».

Возникла необходимость образовать специальный комитет, который решительными мерами покончил бы с погромами и бандитизмом в Петрограде. Инициатором создания такого комитета и его председателем стал управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин придавал этому делу большое значение. В письме в ЦК РСДРП (б) он писал: «Прошу доставить не менее 100 человек абсолютно надежных членов партии в комнату № 75, III этаж, – комитет по борьбе с погромами. (Для несения службы комиссаров.)

Дело архиважно. Партия ответственна. Обратиться в районы и в заводы»

Впоследствии В. Д. Бонч-Бруевич рассказывал: «Подбор сотрудников у нас был таков, что принимали только рабочих, непременно партийных, и левых эсеров. Фабрика избирала, район утверждал, и потом мы входили в Петербургский комитет. Было несколько отводов, но они объяснялись молодостью, или, как, например, был отведен один товарищ за то, что он заснул».

В ночь на 6 декабря 1917 г. Комитет по борьбе с погромами раскрыл контрреволюционный заговор. В. Д. Бонч-Бруевич на заседании Петроградского Совета докладывал: «Петроград затоплен шквалом пьяных разгромов... Разгромы начинались с мелких фруктовых, а за ними следовали склады Келера и Петрова, крупный магазин готового платья. В одни полчаса мы получили 11 извещений о погромах и едва успевали отправлять на места воинские части... При опросе задержанных отдельных воинских чинов выяснилось, что их спаивали и сорганизовывали из них особый институт подстрекателей братьев к выпивке, за что платили по 15 рублей в день...»

Вскоре члены Комитета по борьбе с погромами задержали двух лиц, раздававших прокламации. Прокламации внешне походили на большевистские: на них имелись заголовки: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Заканчивались они лозунгами: «Долой империализм

и его лакеев!», «Да здравствует рабочая революция и всемирный пролетариат!» Но по содержанию это были явно контрреволюционные листовки: они проповедовали погромно-черносотенные идеи, подстрекали солдат, матросов, рабочих громить винные склады и всячески дезорганизовывать нормальную жизнь столицы. Задержанные с прокламациями оказались: один – сотрудником черносотенной газеты «Новая Русь», а другой – его племянником. «Под угрозой расстрела, – продолжал на заседании Петроградского Совета В. Д. Бонч-Бруевич, – они сообщили, что посланы организацией, и указали нам адреса. Когда мы пошли по первому же адресу, мы наткнулись на 20 тыс. экземпляров этого воззвания... Мы двинулись дальше и арестовали многих лиц... Ясно, что мы имеем дело с заговором контрреволюции во всероссийском масштабе, организованном чрезвычайно широко при больших денежных средствах, задавшимся целью удушить... революцию».

Склад прокламаций был обнаружен у приват-доцента Петроградского университета, одного из лидеров черносотенного «Союза русского народа» А. А. Громова. При допросе его выяснилось, что инициатором распространения контрреволюционных прокламаций был князь К. В. Кекуатов. «Он показал мне, – говорил Громов, – текст этой прокламации, написанной на пишущей машинке, и предложил мне организовать распространение этих прокламаций среди населения... Свидание наше закончилось определенным соглашением, по которому я обещался постараться найти людей, могущих организовать распространение этих прокламаций... При беседе с князем Кекуатовым присутствовала его жена, княгиня Кекуатова... Княгиня Кекуатова во время этого свидания передала мне на расходы по исполнению принятого поручения две тысячи рублей».

6 декабря Комитет по борьбе с погромами ввел в Петрограде осадное положение и предупредил: «Попытки разгромов винных погребов, складов, лавок, магазинов, частных квартир и проч. и т. п. будут прекращаемы пулеметным огнем без всякого предупреждения».

Представление о деятельности комитета дает такое сообщение: «В Комитет по борьбе с погромами позвонили о начавшемся погроме винного погреба на Екатерининском канале, причем сообщили, что преступники громят не только погреб, но и частные квартиры прилегающих домов. Комиссар по борьбе с погромами тов. Олехно, получив это сообщение, немедленно с отрядом в 10 красногвардейцев выехал на место происшествия. Здесь он застал почти двухтысячную толпу. К тов. Олехно обратились местные рабочие и обыватели с просьбой принять самые решительные меры против погромщиков. После предупреждения, которое ни на кого не подействовало, был открыт огонь, и район моментально очищен от погромщиков. Местное население горячо благодарило тов. Олехно за твердые революционные действия. В большинстве убитых, одетых в солдатские шинели, опознали местных хулиганов и громил».

Почти одновременно с учреждением этого комитета был создан и специальный орган по борьбе с контрреволюцией. 6 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров, обсудив вопрос о возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе, поручил Ф. Э. Дзержинскому «составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злостного саботажа». Ф. Э. Дзержинский должен был на следующий день представить в Совнарком список членов комиссии и предложить меры борьбы с саботажем. 7 декабря В. И. Ленин написал Ф. Э. Дзержинскому записку.

«Товарищу Дзержинскому

К сегодняшнему Вашему докладу о мерах борьбы с саботажниками и контрреволюционерами.

Нельзя ли двинуть подобный декрет:

О борьбе с контрреволюционерами и саботажниками

Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс.

Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковских чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей.

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками»

В этой записке В. И. Ленин намечал ряд конкретных мер борьбы с контрреволюционерами и саботажниками.

В тот же день, заслушав доклад Ф. Э. Дзержинского, Совнарком постановил образовать Всероссийскую чрезвычайную комиссию при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) в составе Ф. Э. Дзержинского (председатель), Г. К. Орджоникидзе, Я. Х. Петерса, И. К. Ксенофонтова, Д. Г. Евсеева, К. А. Петерсона, В. К. Аверина, Н. А. Жиделева, В. А. Трифонова и В. Н. Васильевского⁹. Комиссия, как это изложил в докладе Ф. Э. Дзержинский, должна была поставить перед собою такие задачи: «1) Пресек(ать) и ликвидир(овать) все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили. 2) Предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними. 3) Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения». Она разделялась на отделы: информационный, организационный (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России и филиальных отделов), отдел борьбы. Комиссия должна была «обратить в первую голову внимание на печать, саботаж, к.-д., правых с.-р., саботажни(ков) и стачечни(ков). Меры – конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.».

Петроградский военно-революционный комитет 5 декабря 1917 г. был упразднен. Его функции пресечения и ликвидации «контрреволюционных и саботажнических попыток» перешли теперь, на основании постановления СНК от 7 декабря, к Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем – первому специальному советскому органу государственной безопасности. В отличие от Военно-революционного комитета, действовавшего главным образом военными мерами подавления, ВЧК должна была осуществлять оперативный розыск лиц, виновных в контрреволюционных преступлениях, производить дознания по их делам, передавать дела суду через следственную комиссию революционного трибунала, а также применять к виновным указанные в законе административные меры.

Одним из первых шагов в деятельности ВЧК было задержание 18 декабря нескольких членов «Союза защиты Учредительного собрания» (И. Г. Церетели, В. М. Чернова, Ф. И. Дана, Л. М. Брамсона, А. Р. Гоца и других – всего 12 человек). Это задержание было произведено членом коллегии ВЧК С. Е. Шукиным по ордеру, подписанному Ф. Э. Дзержинским и И. К. Ксенофонтовым. Левые эсеры, которые входили тогда в состав Совета Народных Комиссаров, возражали против этой меры, а их представители в правительстве – нарком юстиции И. 3. Штейнберг и член коллегии Наркомюста В. А. Карелин, используя свое служебное поло-

⁹ В таком составе комиссия собралась только один раз. На следующий же день все члены комиссии, кроме Дзержинского, Петерса, Ксенофонтова и Евсеева, получили новые назначения, а вместо них в коллегию ВЧК были назначены В. В. Фомин, С. Е. Шукин, И. И. Ильин и С. П. Чернов (Пролетарская революция, 1924, № 10, с. 5–6). 8 декабря в состав ВЧК были дополнительно введены В. Р. Менжинский, В. В. Яковлев и Смирнов (В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975, с. 37). 7 января 1918 г. СНК утвердил Коллегию ВЧК в составе Ф. Э. Дзержинского (председатель), И. К. Ксенофонтова, Я. Х. Петерса, В. В. Фомина, С. Е. Шукина и В. Р. Менжинского. От левых эсеров СНК утвердил членами Коллегии ВЧК В. Д. Волкова, М. Ф. Емельянова, П. Ф. Сидорова и В. А. Александровича (зам. председателя), которого позже сменил левый эсер Г. Д. Закс (см.: *Спириш Л. М.* Крах одной авантюры. Мятёж левых эсеров в Москве 6–7 июля 1918 г. М., 1971, с. 17).

жжение, освободили задержанных. Возник конфликт, разбиравшийся 19 декабря на заседании Совета Народных Комиссаров. Правительство признало действия Штейнберга и Карелина неправильными, указав, что «какие бы то ни было изменения постановления комиссии Дзержинского, как и других комиссий, назначенных Советами, допустимы только путем обжалования этих постановлений в Сов[ет] Н[ародных] Ком[иссаров]». Совнарком отметил, что задержание членов «Союза защиты Учредительного собрания» было произведено по его указанию «для выяснения личностей», то есть не в судебном, а в административном порядке. Этот акт не повлек за собой никакого дознания, следствия или судебного процесса. После этого инцидента Штейнберг разработал и представил в СНК проект положения о ВЧК, в котором попытался свести к минимуму полномочия, а следовательно, и эффективность работы Чрезвычайной комиссии. Но В. И. Ленин внес поправки почти в каждую статью проекта.

В постановлении, принятом Совнаркомом 21 декабря, ВЧК признавалась органом «беспощадной борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией», находящимся под ближайшим наблюдением Народного комиссариата юстиции, Народного комиссариата внутренних дел и президиума Петроградского Совета. Устанавливалось, что ВЧК действует на основе инструкции, вырабатываемой ею, НКЮ и НКВД, результаты же своей работы передает в Следственную комиссию при революционном трибунале или прекращает дело. Левые эсеры настаивали, чтобы ВЧК подчинялась НКЮ (фактически – им, так как левые эсеры стояли во главе НКЮ), чтобы аресты, имеющие политическое значение, производились с ведома НКЮ и НКВД. Совнарком по предложению В. И. Ленина постановил, что ВЧК производит такие аресты самостоятельно с извещением об этом НКЮ и НКВД. Далее подчеркивалось, что неурегулированные конфликты между ВЧК, НКЮ, НКВД и президиумом Петроградского Совета «восходят на окончательное разрешение Совета Народных Комиссаров, не останавливая обычной деятельности [и оспоренных мер...]... соотв[етствующих] К[омис]сий».

31 января 1918 г., рассмотрев вопрос «О точном разграничении функций существующих учреждений розыска и пресечения, следствия и суда», Совнарком постановил: «В Чрезвычайной комиссии концентрируется вся работа розыска, пресечения и предупреждения преступлений, все же дальнейшее ведение следствий и постановка дела на суд предоставляется Следственной комиссии при трибунале».

Таким образом, ВЧК была учреждена как административно-политический орган розыска, пресечения и предупреждения контрреволюционных преступлений. Ей предоставлялось право вырабатывать меры борьбы, применять в отношении контрреволюционеров административные меры (конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. п.).

В области судебной ВЧК должна была выполнять функции органа дознания: она могла вести расследование, «поскольку это нужно для пресечения», затем вскрытые ею дела должны были поступать в следственную комиссию для предварительного следствия и передачи в суд.

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией создавалась как аппарат, опирающийся на помощь и содействие широких масс трудящихся, кровно заинтересованных в безопасности советского строя. Чекисты пошли на фабрики, заводы, в воинские части, широко оповестили рабочих, солдат, матросов о своих задачах, просили их сообщать сведения о контрреволюционерах и приглашали принять активное участие в работе ВЧК. Объявления об этом публиковались и в газетах. ВЧК нередко выдавала ордера для производства арестов и обысков наиболее сознательным рабочим, солдатам и матросам. Популярность ВЧК росла; имея многих добровольных помощников, она могла немногочисленным аппаратом выполнять большие задачи. Видный чекист М. Я. Лацис впоследствии писал: «В первые месяцы работы ВЧК в Москве в ее аппарате насчитывалось всего 40 сотрудников, включая сюда и шоферов и курьеров. Даже к моменту восстания левых эсеров в ВЧК число сотрудников доходило только до 120 человек. Если все же ВЧК осуществляла сравнительно большую

работу, то главным образом благодаря содействию населения. Почти все крупные заговоры были раскрыты указанием населения. Первая нить бралась от них, этих добровольных и бесплатных сотрудников от населения и потом уже разматывалась аппаратом ВЧК».

Сложность и специфичность работы ВЧК, большие права, предоставленные ее сотрудникам, требовали от чекистов большевистской идейности, преданности революции, высокой сознательности, честности и самоотверженности. Кроме того, необходимыми качествами чекистов Ф. Э. Дзержинский считал сдержанность и вежливость. В одной из инструкций в 1918 г. он писал: «Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовали добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача – пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишит человека свободы и держать их в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти – рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость – пятно, которое ложится на эту власть». А в «Инструкции для производящих обыск и дознание» Ф. Э. Дзержинский писал:

«1. Оружие вынимается только в случае, если угрожает опасность.

2. Обращение с арестованными и семьями их должно быть самое вежливое, никакие нравовучения и окрики недопустимы.

3. Ответственность за обыск и поведение падает на всех из наряда.

4. Угрозы револьвером и вообще каким бы то ни было оружием недопустимы.

Виновные в нарушении данной инструкции подвергаются аресту до трех месяцев, удалению из комиссии и высылке из Москвы».

Возникновение местных органов борьбы с контрреволюцией

Система судебно-следственных и карательных учреждений, сложившихся в первый период существования Советской власти в центре России, постепенно, с учетом местных особенностей распространялась по всей стране.

4 января 1918 г. Народный Секретариат Украинской Советской Республики издал постановление «О введении народного суда», которым упразднил все действовавшие ранее на Украине судебно-следственные учреждения и, по примеру Советской России, ввел участковые, уездные, городские суды и революционные трибуналы для подавления сопротивления контрреволюционеров, борьбы со спекуляцией, саботажем и другими особо опасными преступлениями.

Процесс образования учреждений по борьбе с контрреволюцией на Украине имел свои особенности. Здесь борьба с контрреволюцией в тылу часто не отделялась от военных действий. На Украине дольше, чем в центрах Советской России, действовали временные военно-революционные комитеты и позже возникали постоянные советские судебно-следственные и карательные органы. Если в Советской России, по постановлению СНК от 7 декабря 1917 г., была образована единая Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, то на Украине в это время единого органа, подобного ВЧК, еще не было. Функции, которые выполняли в РСФСР органы ВЧК, здесь продолжали выполнять военно-революционные комитеты и военное командование.

Прибывший на Украину в декабре 1917 г. для ликвидации калединского мятежа В. А. Антонов-Овсеенко не только командовал войсками (по поручению правительства Советской России), но и выполнял работу по охране общественного порядка и безопасности, по подав-

лению контрреволюционных элементов в тылу. Он и именовался «народным комиссаром по военным делам и по борьбе с контрреволюцией».

В декабре 1917 г. харьковские капиталисты, недовольные введенным Советской властью 8-часовым рабочим днем, отказались выплатить заработную плату рабочим. В. А. Антонов-Овсеенко вызвал к себе 15 крупнейших капиталистов-миллионеров и предложил им немедленно изыскать миллион рублей наличными для расплаты с рабочими. Когда же они отказались выполнить это требование, Антонов-Овсеенко посадил их под арест в одном из вагонов своего поезда. Он предупредил, что если они не внесут денег в срок, то будут отправлены на тяжелые работы. Угроза подействовала, капиталисты внесли деньги и были освобождены из-под ареста.

В. И. Ленин, узнав об аресте харьковских капиталистов, в телеграмме на имя В. А. Антонова-Овсеенко от 29 декабря 1917 г. писал: «Одобряю и приветствую арест миллионеров-саботажников в вагоне I и II класса. Советую отправить их на полгода на принудительные работы в рудники». Вопрос о деятельности Антонова-Овсеенко на Украине рассматривался 1 января 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров РСФСР. Совнарком одобрил действия Антонова-Овсеенко и отметил, что «командующий войсками вправе применять против грозящих вызвать безработицу и голод капиталистов-саботажников репрессии вплоть до отдачи виновных в принудительные работы на рудники». По предложению В. И. Ленина к этому постановлению было принято такое дополнение: «Как только будет возможно создание революционных трибуналов, они немедленно рассматривают каждый случай назначения на принудительные работы и либо определяют срок пребывания на работах, либо освобождают арестованных».

Это постановление имело принципиальное значение. Советское правительство, В. И. Ленин рассматривали подобные случаи как исключительные меры в обстановке военного времени, допустимые в момент, когда еще не образовались постоянные судебные органы – революционные трибуналы.

26 января 1918 г. советские войска заняли Киев. Поддержание общественного порядка и борьбу с контрреволюцией в городе взяли на себя тогда военные власти. Командующий советскими войсками объявил, что он будет «беспощадно подавлять всякие призывы к насилию над населением в целом и над его частями», будет беспощадно караться погромная и контрреволюционная пропаганда. Для рассмотрения таких дел, объявлял командующий, в дальнейшем будет образован революционный трибунал. В следующем приказе командующий довел до всеобщего сведения, что он назначает Г. И. Чудновского комиссаром Киева по гражданской части и что впредь все обыски и аресты в городе могут производиться исключительно по ордерам его штаба. Командующий войсками выделил также специальную воинскую часть для охраны города и назначил военного коменданта.

Как только в городе наступило относительное спокойствие, 16 февраля 1918 г. Киевский Совет рабочих и солдатских депутатов упразднил должность комиссара по гражданскому управлению города. Выполнение его обязанностей взяли на себя отделы Киевского Совета и Военно-революционный комитет.

В Харькове Всеукраинский военно-революционный комитет образовал губернский главный штаб борьбы с контрреволюцией, совмещавший функции военной работы, подавления контрреволюционных выступлений в тылу и борьбы против спекуляции и преступности.

Такие же штабы и подобные им организации подавления контрреволюции создавались повсеместно, где побеждала революция. Но, как правило, только судебные органы – революционные трибуналы – являлись учреждениями, имевшими право принимать решения о наказаниях по делам о контрреволюции и об уголовных преступлениях.

Киевский Совет рабочих и солдатских депутатов строго следил за соблюдением революционного порядка и законности в городе. В связи со случаями самовольного расстрела сол-

датами захваченных контрреволюционеров 30 января 1918 г. по предложению большевиков Совет принял такую резолюцию: «Общее собрание Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями гарнизона выражает решительное осуждение... самосудам над пленным врагом, которые пятнают славную победу пролетариата. Киевский Совет рабочих и солдатских депутатов вменяет в обязанность Исполнительному комитету и Военно-революционному комитету принять самые решительные меры для прекращения самосудов и требует, чтобы все без исключения арестованные представлялись на суд революционного трибунала».

Процесс образования революционных судебно-следственных учреждений в далеком, оторванном от центра Туркестанском крае происходил принципиально так же, как и в центральных районах России. И здесь трудящиеся и их организации во время вооруженного восстания и последующей борьбы за установление Советской власти арестовывали лиц, враждебно относившихся к революции, и уголовных преступников. Ташкентский Совет рабочих депутатов в начале ноября 1917 г. образовал следственную комиссию для разбора дел арестованных контрреволюционеров и уголовных преступников.

12 декабря Туркестанский Совет Народных Комиссаров опубликовал приказ об упразднении дореволюционных судов в крае и замене их судами, образуемыми демократическими выборами. В основе этого приказа лежал первый декрет о суде, изданный СНК РСФСР. Однако приказ Туркестанского Совнаркома не предусматривал учреждения революционных трибуналов. Вместо них в Ташкенте вначале был организован народно-революционный суд для рассмотрения дел лиц, обвиняемых в тяжких преступлениях. Судопроизводство осуществлялось по принципам старого суда присяжных.

Долгое время здесь, несмотря на предписания ВЧК, не учреждались местные органы Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Это объяснялось противодействием левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов, входивших в состав Туркестанского ЦИК и СНК.

Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов в начале 1918 г. все еще сохранял следственную комиссию для разбора дел арестованных контрреволюционеров и уголовных преступников. Эта комиссия стала постоянным органом борьбы с контрреволюцией.

Постановлением Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов от 16 января 1918 г. был образован, наконец, революционный трибунал. Для расследования дел, подсудных революционному трибуналу, были созданы две следственные комиссии (каждая из четырех лиц): одна – по делам о контрреволюции, вторая – по делам о хищениях, спекуляции и мародерстве. Следственные комиссии и революционный трибунал стали основными органами борьбы с контрреволюцией и особо опасными преступлениями в крае.

Позднее в Туркестане были организованы чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Гуманизм и демократичность советских учреждений в борьбе с контрреволюцией

Сложившиеся после победы Октября демократические принципы устройства и работы судебно-следственных и карательных учреждений Советской власти соответствовали социально-политической обстановке в стране, периоду победного шествия революции по территории России. Победивший пролетариат проявлял великодушие по отношению к поверженному врагу. Революционные трибуналы применяли минимальные наказания, чрезвычайные комиссии производили аресты контрреволюционеров лишь в целях пресечения вредной деятельности и изоляции их от общества на время острой политической борьбы. Такие арестованные освобождались, как только заявляли об отказе от дальнейшей активной борьбы с рабоче-кре-

стьянской властью. Выступая 4 ноября 1917 г. на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором присутствовали фронтовые представители, В. И. Ленин говорил: «Нас упрекают, что мы арестовываем. Да, мы арестовываем... Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять. И, надеюсь, не будем применять, так как за нами сила. Когда мы арестовывали, мы говорили, что мы вас отпустим, если вы дадите подписку в том, что вы не будете саботировать. И такая подписка дается»

В пылу борьбы восставший народ хотел расправиться с захваченными контрреволюционерами, по распоряжению В. И. Ленина самосуды над юнкерами были прекращены и приняты меры к сохранению жизни всех арестованных, в том числе и министров.

Расследование по делу юнкерского восстания производила следственная комиссия. В ее работе участвовали видные деятели большевистской партии – П. И. Стучка, М. С. Урицкий, П. А. Красиков, М. Ю. Козловский, а также М. И. Модель, Б. Д. Мандельбаум, В. Трушин, левый эсер Г. Д. Закс и другие.

Члены следственной комиссии допрашивали арестованных юнкеров, их командиров, включая генералов, и брали у них подписку такого содержания: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящую подписку военно-следственной комиссии Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в том, что я даю честное слово не выступать вооруженной силой против Советского правительства и не призывать к тому других и явиться по первому требованию вышеупомянутой комиссии». Такая подписка считалась достаточным основанием для освобождения участников юнкерского восстания. Позже следствие было вовсе прекращено в соответствии с декретом Петроградской коммуны об амнистии в ознаменование пролетарского праздника 1 Мая в 1918 г.¹⁰

Фактически никаких репрессивных мер против «Комитета спасения родины и революции», под флагом которого проходило юнкерское восстание, принято не было. «ЦИК констатирует, – сообщалось в газетах, – что никакого приказа об аресте «Комитета спасения» не было... Значительная часть арестованных уже освобождена, и... впредь будут освобождаться все лица, кроме тех, которые угрожают завоеваниям революции».

Как уже было сказано, под честное слово не выступать более против народа были отпущены на свободу генерал П. Н. Краснов и задержанный 31 октября 1917 г. комиссар Временного правительства при Северном фронте, один из организаторов похода Керенского – Краснова меньшевик В. С. Войтинский. Были освобождены и арестованные в Зимнем дворце во время Октябрьского штурма министры-социалисты Временного правительства (А. М. Никитин, К. А. Гвоздев, С. Л. Маслов и другие).

Среди арестованных во время штурма Зимнего дворца находился управляющий военным министерством генерал А. А. Маниковский. 28 октября 1917 г. народный комиссар по военным делам Н. В. Крыленко явился в Петропавловскую крепость, где содержался Маниковский, и от имени Советского правительства предложил ему продолжать работу в военном министерстве. Маниковский согласился и был освобожден из заключения. Однако вскоре выяснилось, что он, работая в министерстве, пытался активно выступать за ограничение прав новой власти по смещению командного состава армии. В связи с этим 20 ноября по приказу ВРК Маниковский был вновь арестован.

В тот же день Совет Народных Комиссаров вынес постановление об аресте и другого генерала – начальника генерального штаба В. В. Марушевского, обвинявшегося в саботаже.

Маниковский и Марушевский предстали перед следственной комиссией. Член комиссии П. А. Красиков, допросив арестованных, пришел к выводу, что «данных относительно

¹⁰ Это была первая амнистия, объявленная в Советской стране.

активного противодействия политике народных комиссаров в деле не усматривается», и высказался за их освобождение. Однако председатель комиссии М. Ю. Козловский не согласился с этим предложением и написал такую весьма характерную для того времени резолюцию: «Разделяя оценку (П. А. Красикова) фактической стороны – отношения генералов к Советской власти и отметая всякие «юридические» соображения как лицемерную игру в формы, полагаю, что, поскольку задержание генералов продиктовано было соображениями политической стратегии, арест их следует продолжить (хотя бы в интересах авторитета «твердой» власти демократии)». Между тем генералы дали заверения, что не будут выступать против Советской власти. В. Марушевский собственноручно писал: «Современной власти считаю нужным подчиниться и исполнять ее приказания».

1 декабря 1917 г. Маниковский был освобожден. За него поручилась специальная депутация служащих военных учреждений, давших подписку в том, что он «не будет принимать участия в политических выступлениях, направленных против власти Совета Народных Комиссаров», – тогда же был освобожден и Марушевский¹¹.

17 ноября 1917 г. большевистский Военно-революционный комитет в г. Пскове арестовал генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта В. Л. Барановского – зятя Керенского – и направил его в Петроград, в Петропавловскую крепость, как противника революции.

Главковерх Н. В. Крыленко при расследовании показывал, что Барановский, пользуясь своим положением в штабе, посылал телеграммы, «в которых он подробно информировал штабы армий и контрреволюционную Ставку Духонина о происходящем, освещая все в определенном (антисоветском) свете».

В. Л. Барановского нужно было изолировать для пресечения его вредной деятельности, и он содержался под стражей около полутора месяцев. 30 декабря 1917 г. комиссар Северного фронта Б. П. Позерн направил следственной комиссии такую телеграмму: «Случае отсутствия обвинения против бывшего генквартирмейстера Барановского прошу его освободить на честное слово». Барановский дал 4 января 1918 г. Петроградской следственной комиссии такую подписку: «Я даю честное слово, что 1) не буду противодействовать Советской власти, не буду выступать против нее и 2) явлюсь по первому требованию следственной комиссии. Владимир Львович Барановский». В тот же день его освободили.

В октябре 1917 г. (еще до Октябрьского вооруженного восстания) в Петрограде был сформирован добровольческий 151-й Пятигорский «батальон смерти», составленный преимущественно из студентов и гимназистов. Командовал батальоном прапорщик В. Н. Синебрюхов.

12 декабря 1917 г. несколько солдат явились в полевой штаб Петроградского военного округа и сообщили, что ударники из батальона Синебрюхова вербуют солдат в калединские отряды и производят сбор средств в пользу «батальона смерти».

15 декабря комиссар «Полевого штаба» с нарядом солдат прибыл в кафе Филиппова и задержал там бывшего юнкера, младшего офицера «батальона смерти» 17-летнего Ф. Г. Малахова.

Материалы о задержанном Малахове «Полевой штаб» направил в Следственную комиссию революционного трибунала. Через несколько дней Малахова освободили. Он дал такую подписку: «Я, нижеподписавшийся, обязуюсь под честным словом явиться к петроградскому воинскому начальнику не позже 12 января 1918 г., причем заявляю, что отныне никакой контрреволюционной деятельностью заниматься не буду».

Накануне контрреволюционного выступления «в защиту Учредительного собрания», утром 5 января 1918 г., Комитет по борьбе с погромами и ВЧК получили сведения о том, что у прапорщика В. Н. Синебрюхова собираются ударники его батальона. Сотрудники комитета

¹¹ Впоследствии Маниковский работал в Красной Армии, умер в 1920 г. Марушевский, нарушив свое «честное слово», участвовал в борьбе против Советской власти.

явились на 5-ю Рождественскую, дом 10 (ныне 5-я Советская), и в квартире Синебрюхова арестовали группу ударников. Они признались, что явились к Синебрюхову по его приказу, чтобы участвовать в выступлении «в защиту Учредительного собрания». Хозяина квартиры, прапорщика Синебрюхова, в квартире не оказалось: он скрылся. Вскоре ударники «батальона смерти» были окружены красногвардейцами в помещении курсов Лесгафта, разоружены и распушены.

Когда в Петрограде наступило относительное спокойствие, ВЧК освободила всех арестованных ударников, а дело о них передала в следственную комиссию революционного трибунала. 30 апреля 1918 г. туда явился с повинной и сам В. Н. Синебрюхов. Он показал: «Я принадлежал к организации ударников, которые должны были принять участие в охране Учредительного собрания, когда оно соберется. Вся эта организация находилась в ведении «Союза защиты Учредительного собрания». Я исполнял ответственную функцию в организации ударников – получал деньги от Анатолия Сомова, вольноопределяющегося, который пригласил меня в эту организацию для раздачи остальным членам организации ударников. Сомов говорил, что предстоит выступление против большевистской власти и против тех, кто посягает на Учредительное собрание». Далее Синебрюхов рассказал, что все время после ареста его подчиненных он скрывался вне Петрограда. «За время моих скитаний я пережил очень много, со мной произошел полный душевный перелом, взгляды мои совершенно изменились. Мне 21 год, и взгляды мои еще не сложились прочно и окончательно. Я решил добровольно явиться в Следственную комиссию и предоставить себя в ее распоряжение». И тогда Следственная комиссия революционного трибунала постановила освободить Синебрюхова, обязав его явиться по первому требованию, и так как у него не было документов, выдать ему по его просьбе удостоверение на право проживания в Петрограде. 15 июня 1918 г. дело о Синебрюхове и членах его отряда было прекращено на основании декрета Совнаркома Петроградской коммуны от 1 мая 1918 г. о смягчении участи лиц, совершивших преступные деяния.

Аналогичных примеров мягкой репрессивной деятельности органов Советской власти можно привести немало. Такова была общая линия карательной политики Советской власти. Сразу же после победы Октября Советское правительство обеспечило строгое соблюдение революционной законности в работе советских учреждений, потребовав от всех своих органов, чтобы аресты и иные репрессивные меры против контрреволюционеров производились только судебными учреждениями. В телеграмме Народного комиссариата юстиции всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 31 января 1918 г. указывалось: «Подавление или пресечение активных контрреволюционных выступлений должно войти в русло революционного правопорядка. Политические аресты, обыски и выемки должны производиться только одной Следственной комиссией, состав которой должен публиковаться. Целью ее должно явиться только предание суду революционного трибунала... Пусть возмездие будет быстро и решительно, но пусть оно исходит от революционного суда; пусть никто не посмеет сказать, что на территории Советской республики нет социалистической справедливости. Революция сурова к своим активным врагам и великодушна к поверженным и побежденным».

Саботаж – орудие контрреволюции

Стремясь помешать утверждению диктатуры пролетариата, контрреволюция сразу же после победы Октября организовала саботаж мероприятий Советской власти во всех государственных учреждениях. Чиновники и служащие министерств, банков, казначейства, почты и телеграфа, городских управ, больниц, учебных заведений, театров, военачальники в армии отказывались признать Советскую власть и работать под руководством назначенных ею лиц. Одновременно владельцы промышленных предприятий, бойкотирова декреты нового правительства о рабочем контроле на фабриках и заводах, останавливали производство, задержи-

вали выдачу заработной платы рабочим, создавали помехи в хозяйственной жизни страны. Саботаж носил политический характер и поддерживался всем антисоветским лагерем – от монархистов до «социалистов». Все они были уверены в том, что рабочие и крестьяне не справятся с управлением государством и большевики вынуждены будут отступить, передав власть в руки прежних правителей.

В ноябре 1917 г. чиновники-саботажники образовали в Петрограде центральный стачечный комитет при «Союзе союзов служащих государственных учреждений» для руководства забастовкой в учреждениях города. В специальном воззвании организаторы «Союза» заявляли, что решили «приостановить занятия во всех государственных учреждениях».

Саботаж вносил дезорганизацию в работу учреждений, причинял вред народу. Поэтому Петроградский ВРК в обращении «Ко всем гражданам» заявил: «Мы предупреждаем богатые классы и их сторонников: если они не прекратят свой саботаж и доведут до приостановки подвоза продовольствия, первыми тяготу созданного ими положения почувствуют они сами. Богатые классы и их прислужники будут лишены права получать продукты. Все запасы, имеющиеся у них, будут реквизированы. Имущество главных виновников будет конфисковано. Мы выполнили свой долг – мы предостерегли играющих с огнем. Мы уверены, что в этих решительных мерах, если они окажутся необходимыми, мы встретим полную поддержку всех преданных революции граждан, всех рабочих, солдат и крестьян».

19 ноября Совет Народных Комиссаров рекомендовал, не останавливаясь перед арестами и преданием саботажников революционному суду, предложить им «или 1) работать, подчиняясь власти правительства, или 2) вернуть деньги (полученное ими жалованье. – Д. Г.). В случае отказа судить их, как за воровство народного имущества». 26 ноября Военно-революционный комитет опубликовал заявление, в котором объявил чиновников государственных и общественных учреждений, саботирующих работу в важнейших отраслях народной жизни, врагами народа и призвал к общественному бойкоту их. Борьбу с саботажниками повели все советские организации, следственные учреждения и революционные трибуналы.

И все же саботаж продолжался.

Чиновники министерства государственного призрения отказались сдать дела и ключи А. М. Коллонтай, назначенной Советским правительством народным комиссаром. А. М. Коллонтай писала в Военно-революционный комитет: «Прошу немедленно выдать ордер на арест членов стачечного комитета чиновников министерства государственного призрения, а также назначить наряд для приведения в исполнение этого ареста. Подлежат аресту следующие лица: Колумбовский, Волков, Афанасьева, Ордин, Зарин, Чернявский, Маркузе. Одновременно прошу прислать наряд в Министерство государственного призрения (Казанская, 7) (ныне ул. Плеханова) для усиления охраны на сегодняшнюю ночь и в ближайшие дни». 14 ноября 1917 г. следственная комиссия революционного трибунала «ввиду упорного саботажа» арестовала чиновников министерства. После того как забастовщики сдали ключи и документы министерства, Военно-революционный комитет 16 ноября отдал распоряжение (за подписью Ф. Э. Дзержинского) об их освобождении.

Народный комиссариат просвещения 19 декабря 1917 г. писал в ВЧК: «До сведения Народного комиссариата по просвещению дошло, что параллельно с Комиссариатом по просвещению образовались заново некоторые отделы министерства народного просвещения, куда будто бы и направляется вся корреспонденция, адресованная на имя Комиссариата по просвещению, а также и обратно. Это «министерство» отправляет свою корреспонденцию в адрес попечителей округов и других учреждений по народному просвещению. Нам известно, что в 6-й гимназии было собрание около 400 саботирующих чиновников в министерстве просвещения и, возможно, что именно на этом собрании и сконструировались отделы «министерства». Доводя об этом до сведения Комиссии по борьбе с контрреволюцией, прошу выяснить, соответствуют ли циркулирующие слухи действительности, и если окажется, что бумаги обра-

щаются, минуя комиссариат, то принять самые энергичные меры к ликвидации самозванного «министерства», вплоть до ареста членов его. Товарищ комиссара по просвещению Гр. Закс. Секретарь Е. Адамович»

Особенно опасным был саботаж чиновников в учреждениях, ведавших связью, здравоохранением, продовольственным снабжением.

В первые же дни революции саботажники и чиновники объявили о прекращении работы, телефонной станции в Петрограде. В связи с этим 3 ноября 1917 г. декретом Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина заведование телефонной сетью было поручено народному комиссару почт и телеграфов.

Работники министерства внутренних дел отказались выполнять свои обязанности, связанные с охраной народного здоровья. В приказе народного комиссара внутренних дел Г. И. Петровского отмечалось, что «следствием забастовки этих врачей было, между прочим, то, что три телеграммы, уведомляющие о появлении эпидемии чумы в Астраханской губернии и холеры в Бакинской губернии, оставались без рассмотрения».

Чиновники министерства продовольствия и деятели общественных учреждений, занимавшиеся продовольственным снабжением, также отказались сотрудничать с Советской властью.

18 ноября 1917 г. созванный саботажниками Всероссийский продовольственный съезд постановил прекратить доставку продовольствия в революционные центры, а заготовленный хлеб передать в распоряжение Учредительного собрания, когда оно соберется. Съезд избрал так называемый «Всероссийский продовольственный совет» во главе с меньшевиком В. Г. Громаном (председателем Петроградской продовольственной управы).

27 ноября самозванный «Продовольственный совет» созвал в Петрограде в помещении бывшего министерства продовольствия совещание руководителей продовольственных учреждений. Во время заседания в зал вошел Ф. Э. Дзержинский с нарядом красногвардейцев. Феликс Эдмундович объявил, что по решению Совета Народных Комиссаров все присутствующие подлежат аресту. Председатель совещания Д. С. Коробов потребовал предъявить ордер на арест. Ф. Э. Дзержинский ответил, что он является товарищем народного комиссара по внутренним делам, и тут же выписал такой ордер.

В составленном затем протоколе, подписанном всеми присутствовавшими, отмечалось: «Товарищ министра (продовольствия. – Д. Г.) Н. Д. Кондратьев задал Дзержинскому вопрос, арестован ли он, а также другой товарищ министра С. А. Ершов. Дзержинский ответил: «Да»... Представитель служащих в свою очередь спросил, арестованы ли и они. Дзержинский ответил, что вопрос об этом будет выяснен потом. После того как представители служащих заявили, что они не подчиняются Совету Народных Комиссаров и не сдадут дел без распоряжения непосредственного начальства, они также были объявлены арестованными... Дзержинский предъявил требование о сдаче ему всех находящихся у присутствующих бумаг, что было исполнено».

Решительные меры против саботажников способствовали прекращению саботажа. Через некоторое время задержанные по решению СНК были освобождены.

Забастовки чиновников и служащих государственных и общественных учреждений вызывали возмущение широких масс населения, страдавшего от хозяйственной разрухи, продовольственного кризиса и иных неурядиц, вызванных контрреволюционными саботажниками.

В декабре 1917 г. в Народный комиссариат внутренних дел поступило такое заявление: «Настоящим довожу до вашего сведения: 1-е. Во всех частных банках сего числа производится сбор денег на формирование юнкеров по постановлению якобы профессионального союза служащих кредитных учреждений. 2-е. 15 декабря готовится всеобщая забастовка всех служащих как кредитных учреждений, так равно разных предприятий. Примите строгие меры. Для этого необходимо арестовать в каждом банке главарей: директоров, доверенных, а в осо-

бенности учетчиков. Мы, служащие разных банков, умоляем вас – спасите завоеванную нашу народную революцию. Снимите с учетов всех предателей, они хуже директоров тормозят все дело. Председатель собрания мелких служащих (подпись неразборчива)». Это заявление 19 декабря было передано в ВЧК Ф. Э. Дзержинскому и послужило материалом при расследовании дела о саботаже чиновников бывшего министерства финансов и кредитных учреждений.

28 ноября 1917 г. после «демонстрации в защиту Учредительного собрания» участвовавшие в ней чиновники-саботажники собрались в помещении бывшего Святейшего синода. Здесь они были арестованы сотрудниками Следственной комиссии революционного трибунала. Саботажники скрывали своих активистов, заявляли, что они собрались «случайно» и обсуждали вопросы, не связанные с забастовкой. Некий чиновник Н. К. Васильев, например, так отвечал на вопросы Следственной комиссии: «...Власти народных комиссаров подчинюсь, если ее признает Учредительное собрание...»

Забастовка чиновников возникла стихийно... Мое отношение к забастовке было пассивное... В отношении приступа к работе считаю себя обязанным подчиняться решению профессиональной организации» (то есть саботировать. – Д. Г.). Следственной комиссии так и не удалось тогда выявить главарей саботажа. Арестованных чиновников 4 декабря освободили, а 14 декабря была официально объявлена всеобщая забастовка служащих государственных учреждений Петрограда.

Революционный трибунал против саботажников

Слушанием дела о преступном саботаже начал свою работу только что учрежденный в Петрограде революционный трибунал.

10 декабря 1917 г. в бывший дворец великого князя Николая Николаевича пришли представители различных слоев населения. Были здесь и бастующие адвокаты, старые судебные чиновники, друзья и близкие подсудимой – известной буржуазной общественной деятельницы, члена ЦК кадетской партии графини С. В. Паниной. По залу шмыгали бойкие корреспонденты буржуазных газет, все еще выходивших в городе; они заранее распространяли слухи о «жестокости» нового суда. Зал бурлил, клокотал, кипели политические страсти.

В час дня в зал вошел председатель Петроградского революционного трибунала, участник революции 1905 г., рабочий, большевик с 1909 г. Иван Павлович Жуков с шестью заседателями и, заняв место за столом, обратился к публике. «69 лет тому назад, – сказал он, – во время революции 1848 г. во Франции возникли революционные суды, которые назывались революционными трибуналами. И как те первые революционные суды, так и ныне начавший жить русский революционный трибунал, я надеюсь, будет строгим оценщиком, самым ярким защитником прав и обычаев русской революции. Он будет строго судить всех тех, кто пойдет против воли народа, кто будет мешать ему на пути. И я уверен, что невинные перед волей революционного народа найдут в революционном трибунале наиболее надежного защитника. Объявляю заседание революционного трибунала открытым».

Графиня С. В. Панина – товарищ (заместитель) министра просвещения свергнутого Временного правительства – обвинялась в саботаже. На вопрос председательствующего, признает ли она себя виновной, Панина ответила, что не признает. Председатель предложил секретарю суда огласить доклад Следственной комиссии.

Суть дела заключалась в следующем. Не признавая власти рабочих и крестьян и назначенных ею руководителей Народного комиссариата просвещения, Панина решила не передавать новой администрации денежные средства, имевшиеся в кассе министерства. 15 ноября 1917 г. запиской на имя экзекутора¹² Дьякова она распорядилась: «Срочно. Секретно... Пред-

¹² В царской России экзекуторами назывались чиновники, ведавшие хозяйственными делами и надзором за внешним

лагаю вам немедленно по предъявлении сего все хранящиеся у вас денежные суммы, как в наличных деньгах, так и в процентных бумагах состоящие, передать предъявителям сего – делопроизводителю департамента народного просвещения Рождественному и департамента профессионального образования Козлову и вместе с ними отправиться для внесения сих сумм на хранение в место по указанию означенных лиц». Так саботажники изъяли около 93 тысяч рублей народных денег. Когда пришла советская администрация, в кассе министерства просвещения не оказалось ни копейки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.